

на Онежском озере Успенскую обитель Мурманским, то есть *Северным* монастырем (позднее обитель переименовали в Муромскую)⁴. Поэтому и в истолковании понятия *помор* мы не можем опираться на саамский язык.

Термин *Поморье* в значении «земли по морю» («у моря») значитя в купчей середины XV в. между членами карельских феодалов «пяти родов» на беломорские угодья: «Се купи... землю и воду на Поморьи». В другом аналогичном акте XV в. вместо «Поморье» написано «по морскому берегу»⁵. Источники XVI в. под Поморьем подразумевали уже все побережье Западного Беломорья и Мурман – от района под названием *Поморье* в устье р. Онеги на юге⁶ и вплоть до Колы на севере. Так, царские жалованные грамоты Соловецкому монастырю 1590–1591 гг. сообщили о гонцах «в Поморье и на Мурманское море, и до устья Колы и в иные поморские волости», о солеварении «в Поморье – в Унбе (Умбе. – А. Ю.), да в Керети, да в Кеми» и о торгах соловецких крестьян в поморских Сумской и Варзужской волостях. Эти грамоты четко фиксируют и самоназвания отдельных групп северян, отмечая «всяких торговых людей: поморцев и каргопольцев, и двинян, и ноугородцев, и заонежцев»⁷. Очевидно, что к концу XVI в. понятия *Поморье* и *поморцы* устоялись и были связаны именно с Западным Беломорьем и с его населением (форма слова «помор» тогда не существовала). Восточное же Беломорье (устье Северной Двины) и двиняне к ним не относились.

В середине XVI в. эпизодически, а к концу века все чаще жители поморских волостей начинали именоваться *поморцами* (*поморянами*). Например, в грамоте Ивана IV 1546 г. в Каргополь говорится о поморцах, торговавших солью в устье р. Онеги⁸. Свидетелями «мировой записи» сумлян и шуеречан 1556/57 г. в числе прочих выступали два поморца из Кеми и Шуи, а в 1572 г. поморцем же звал себя и житель Сумы. По данным Т. А. Бернштам, в 1580/81 г. керечане с кандалакшанами слыли поморцами. Но и ранее, в 1565 г., царь называл одного из керетчан поморцем и поморянином⁹. Следовательно, уже с середины XVI в., особенно во второй его половине, термин *поморец* бытовал столь же широко, как и названия *Поморье* и *поморские волости*. Относились все они, соответственно, к населению и побережью Западного Беломорья, терминологически отделяя их от Двинского и Каргопольского уездов, двинян и каргополов Восточного Беломорья, а на западе – от *лопян* – карел материковых Лопских погостов.

Сами поморские волости даже к началу XX в. представляли собой узкую полосу прибрежных земель и селений; уже в 20–40 км от берега начинались карельские волости¹⁰. Объяснение данного феномена связано с установлением главных факторов складывания субэтноса поморов, с их системным воздействием друг на друга.

Если мы обратимся к политическим реалиям XV–XVI вв., то с удивлением констатируем, что вплоть до конца XVI – начала XVII в. беломорское Поморье не составляло единого территориального целого и его население было административно разобщено. Во времена Великого Новгорода Поморский берег входил в Выгозерский погост Обонежья, а Карельский берег составлял северо-восточную оконечность Корельской земли¹¹. Но и после 1478 г. беломорские волости Выгозерского погоста Новгородского уезда входили в Занежскую половину Обонежской пятины, а Кемская и Шуерецкая волости принадлежали Водской пятине, входя в округ Лопских погостов Новгородского уезда. Уезд заканчивался на р. Кивиканде, к северу от которой лежали земли Керетской, Ковдской и других волостей Двинской земли. То же самое можно сказать о надзирающих властях – самых разнообразных и отдельных для каждого из этих районов¹². Несомненно, данные управленческие реалии препятствовали зарождению субэтноса поморов.

Объединяли их сходные природно-климатические условия, однотипная общественная и хозяйственная организация крестьянского мира, его полиэтничность, церковно-приходское устройство новых поморских общин, фактор складывания всероссийского рынка, социальная политика властей, наконец, угроза внешнего вторжения. Эти факторы, действовавшие сообща или группами, заставляли разрозненные поначалу общины карел и русских объединяться.

И вот почему. После 1478 г. центральная власть конфисковала земли новгородской знати в доход государства; угодья карельской знати на севере также стали черносошными. Жители Западного Беломорья получили в свое владение обширные земли, превратившись в зажиточные волости-общины¹³. Этнически в XV в. прибрежное население состояло из карел, живших и на Карельском, и на Поморском берегах Белого моря, и из русских, осваивавших в основном Поморский берег (бывшие боярские вотчины Выгозерского погоста). Социально-экономический уклад карельских волостей Беломорья отличался общинным (*луковым*, по терминологии кадастров) владением угодьями. Промыслы разрабатывались совместно, а раздел добычи волощане производили в соответствии с долей каждого. В местных частнопроводных актах XVI в. такие общинные «луковые» доли обязательно назывались угодьями «промеж волощан»¹⁴, то есть сходно с формулой «промеж пяти родов» карельских грамот XV в. А. И. Копанев, изучавший крестьянство на примере Двинской земли, назвал данный общинный порядок *варзужским*, отличным от *материкового* двинского типа хозяйствования с индивидуальным владением крестьянами своими промыслами¹⁵. Мы нашли, что варзужский тип в XVI в. был характерен для карел и вообще для западнобеломорских волостей, а не

только для двинской волости Варзуги и «корелы варзужской»; поэтому будет правильнее называть его *карельским* – в противовес русскому материковому на Двине.

Утвердившаяся в Западном Беломорье карельская система хозяйствования закреплялась государственными кадастрами. Она препятствовала русским переселенцам разрабатывать угодья карел, интегрироваться в их общины. Тем не менее это случилось в прибрежных селениях. Основой для интеграции послужило солеварение, неизвестное на Карельском берегу еще в XV в. Оно было привычным занятием русских Новгородчины и других севернорусских земель. Так, в Новгородской республике соль изготовлялась в Старой Руссе, недостающие запасы привозились из Западной Европы¹⁶.

Береговым карелам показалось выгодным иметь соляной промысел у себя дома. Только в этом случае они могли развернуть лов морской рыбы в широких масштабах для складывавшегося с середины XVI в. емкого товарного рынка России: свежая рыба быстро портилась, но просоленная выдерживала долгую перевозку. Русские же переселенцы приспособили выпарку соли к новым условиям. Здесь рассолом стала служить морская вода, а не подземные соленые воды, как в других землях Северной России. Вследствие этого варницы располагались исключительно у моря¹⁷. Топливом для выпарки соли могли служить только «луковые» леса, рубить которые солевары могли лишь с разрешения волощан.

Слияние в новые прибрежные *поморские общины* местного населения и пришельцев произошло на почве обоюдовыгодных экономических интересов. Карелы получили дешевую соль, признав русских волощанами и допустив их в лесные угодья. Два основных занятия жителей – солеварение и морской промысел – составили главную торговую славу Поморья в XVI–XVII вв. Слова грамоты Ивана IV 1546 г. в Каргополь о закупке соли у поморцев говорят о формировании поморских общин уже к середине XVI в. Карелы же семи материковых Лопских погостов, не получая прямой хозяйственной выгоды от соляного промысла, не приняли в свои общины пришельцев и не впустили их в волостные «луковые» угодья. Население материковых Лопских погостов осталось карельским.

Таким образом, выделение узкой прибрежной полосы Западного Беломорья в особый экономический район Поморья и начало этногенеза поморов совпадают по времени и относятся к первой половине – середине XVI в. Территориальное же объединение поморских волостей произошло в конце XVI – начале XVII в. в виде особого административного вотчинного округа Соловецкого монастыря, теснейшим образом связанного религиозными, социально-экономическими, а в лице своей братии – этни-

ческими и просто родственными узами с населением Беломорского Поморья. Так, в списках 105 монахов Соловецкого монастыря второй половины XVI в. среди имен старцев значатся всего 15 имен с прозвищами. 4 из них передают этническую принадлежность (3 *корелянина* и 1 *лопин*), 11 прозвищ указывают на место рождения, в том числе 6 – на Беломорское Поморье (*сумлянин, золотчанин, виремець, колежемской, корелшюрецкой, нюхчанин*)¹⁸.

Соловки стояли у истоков складывания субэтнуса поморов. Уже в конце XV в. вместо часовни св. Николая в устье р. Выг, у которой скончался преп. Савватий, обитель поставила церковь. К 1563 г. ее церкви имелись в вотчинной Сумской волости – св. Николая и Успения Богородицы, в Колежме – во имя св. Климента, в устье р. Выг – св. Троицы, в с. Вирма – во имя апп. Петра и Павла¹⁹. Тем самым Соловецкий монастырь спланировал в единые приходы поморцев – и местной жителей, и новых поселенцев. Единое вероисповедание и приходская жизнь, карельская система природопользования приводила к породнению карел и русских через заключение межэтнических браков. Сплачивала поморов и военная угроза.

Боевые действия со Швецией в Приполярье шли с малыми перерывами с конца 1570- до начала 1590-х гг.²⁰ Даже на выборах в польские короли Сигизмунда, сына шведского короля Юхана III, поляки грозились «военными кораблями шведскими загородить морскую дорогу в Белое море»²¹. Москва срочно укрепляла северные окраины. В 1584 г. возводится Архангельская крепость, а в 1584–1594 гг. – каменный Соловецкий Кремль. Сами Соловки вливались в боевые порядки северной обороны мощью своих поморских вотчинных владений, которым предоставлялись многие льготы²².

А. А. Савич писал, что в данных условиях «естественно было стянуть разоренные волости к одному административному центру»²³. Административный округ Соловецкого монастыря был образован в 1592 г. и включал поморские волости обители. Гражданская власть над ними перешла к игумену и соборным старцам, а сам округ подчинялся непосредственно приказу Новгородской четверти в Москве. В 1607 г. царь Василий Шуйский присоединил к округу бывшую до того в вотчинном владении Соловков «четверть» (населения, угодий и промыслов) Керетской волости, а в 1613 г. царь Михаил Романов отдал Соловкам Шуерецкую волость²⁴. Так почти все западнобеломорские волости поморцев обрели административно-территориальное единство. В XVII–XVIII вв. в пределах округа и сложился окончательно субэтнос русских поморов.

На примере истории зарождения субэтнуса поморов наглядно проявляется парадигма многофакторности исторического процесса. Мы видим, что в жизни ни один из этих факторов не действовал поодиночке. Все они вступали друг с другом в прочные взаимосвязи и производили системное воздействие. Поэтому трудно выделить хотя бы один из них в качестве ведущего на всем протяжении исследуемого времени. Но, изучив эти факторы, можно выстроить этносоциальную периодизацию начального этапа генезиса поморов.

В XV в. западнобеломорские земли усиленно, но обособленно заселялись карельскими и русскими крестьянами в ходе вотчинного освоения Белого моря новгородской и карельской знатью. С конца XV и в первой половине XVI в. в западнобеломорских селениях идет процесс породнения русских и карел, складываются совместные русско-карельские общины. В середине XVI в. новые общинники самоидентифицируются – они *поморцы*. Несмотря на жестокий военный урон, во второй половине XVI в. четко выделились *поморские волости*. Наконец, в конце XVI – начале XVII в. поморцы и их волости получили официальное государственное признание в виде *особого административного округа Соловецкого монастыря*.

¹ Бернштам Т. А. Поморы: Формирование группы и система хозяйства. Л., 1978. С. 71–72.

² Кошечкин Б. И. Боже, дай нам ветра. Кемские полярные мореходы. Петрозаводск, 1992. Библиографию основных работ о поморах см. там же. С. 187–189.

³ См., например: Новгородская четвертая летопись // Полное собрание русских летописей. Т. IV, ч. 1. С. 258 (под 1320/21 г. – о походе новгородских ушкуйников «на мурманы» – норвежцев); Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 350 (под 1339/40 г. – о новгородском посольстве в «Мурманскую землю» и о заключении там мирного договора).

⁴ Пулькин М. В., Захарова О. А., Жуков А. Ю. Православие в Карелии (XV – первая треть XX в.). М., 1999. С. 33, 50.

⁵ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1950. С. 294–295, 298.

⁶ Акты социально-экономической истории Севера России конца XV – XVI в. Л., 1988. Акты Соловецкого монастыря. 1479–1571 гг. [Далее – АСМ, 1] С. 155–159 («Отпись» новгородских дьяков о податях с Турчасовского стана Каргопольского уезда, 1559 г.).

⁷ Материалы по истории Карелии XII–XVI вв. Петрозаводск, 1941 [Далее – Материалы]. С. 306–308, 316–318.

⁸ Акты исторические, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археологической экспедицией Императорской Академии наук. Дополнены и изданы Высочайше учрежденной комиссией. СПб, 1836. С. 200–201.

⁹ АСМ, 1. С. 135–136, 183–184; Акты социально-экономической истории Севера России конца XV – XVI в. Л., 1990; Акты Соловецкого монастыря. 1472–1584 гг. [Далее – АСМ, 2]. С. 8–9; Бернштам Т. А. Указ. соч. С. 70.

¹⁰ Карта Кемского уезда // Издание Архангельского губернского статистического комитета. Архангельск, 1908. Приложение 5.

¹¹ См., например: История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001 [Далее – ИК]. С. 84, 89.

¹² Жуков А. Ю. Северная Карелия в системе государственного управления России XV–XVI вв. // Исторические судьбы Беломорской Карелии. Петрозаводск, 2000. С. 6–25.

¹³ АСМ, I. С. 23 (купчая на двор в Шуерецкой, 1499 г.); Пулькин М. В., Захарова О. А., Жуков А. Ю. Указ. соч. С. 34 (о возникновении Успенского прихода в Кемь, начало 1470-х гг.).

¹⁴ Около двух сотен частнопровольных актов XVI в. жителей западнобеломорских волостей изданы: Материалы; АСМ, I; АСМ, 2.

¹⁵ Копанев А. И. Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978. С. 172. Варзуга в XVI–XVII вв. входила в состав Двинской земли (в Холмогорский, затем – Архангельский уезд).

¹⁶ Берестяные грамоты XII–XV вв. о торговле солью в Новгороде и Старой Руссе см.: Рыбина Е. А. Торговля средневекового Новгорода: Историко-археологические очерки. Великий Новгород, 2001. С. 315 (№ 282), 317 (№ 354), 323 (№ 624) [Новгород]; С. 329 (№ 2) [Старая Русса].

¹⁷ См., например: Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930 [Далее – ПКОП]. С. 159, 164–165 (варницы «у моря» в заонежском Выгозерском погосте, писцовая книга 1563 г.); История Карелии XVI–XVII вв. в документах / Asikirjoja Karjalan historiasta 1500– ja 1600-luvulta. Петрозаводск; Йоэнсуу / Joensuu; Petroskoi, 1987. I. С. 218–220, 238–240 (действующие и запустевшие варницы «подле Студеного моря» в Шуерецкой волости, «дозоры» 1597 и 1598 гг.).

¹⁸ См.: Лобакова И. А. «Устав о монастырском платье» 1553 г. – один из неучтенных источников по истории Соловецкого монастыря времен игуменства Филиппа (Колычева) // Книжные центры Древней Руси. Соловецкий монастырь. СПб, 2001. С. 324–328. В подлиннике ошибочно: «*колелшоерецкой*».

¹⁹ ПКОП. С. 159–165 (писцовое описание беломорских волостей Выгозерского погоста).

²⁰ ИК. С. 105, 111; Старостина Т. В. Шуерецкая волость в XVI–XVII вв. // Крестьянство и классовая борьба в феодальной России: Сборник статей памяти И. И. Смирнова. Л., 1967. С. 197–199.

²¹ Цит. по: Соловьев С. М. М., 1989. Кн. 4, т. 7. С. 220.

²² АСМ, 2. С. 115 (указная грамота от 2 августа 1578 г. – о постройке в Соловецком монастыре острога в связи с ожидаемым нападением шведов); Материалы. С. 284–286, 306–308, 311, 316–318, 318–319 (царские жалованные грамоты Соловецкому монастырю: от 11 августа 1584 г., 15 мая и 2 июня 1590 г., 19 июня и ...июня 1591 г.).

²³ Савич А. А. Соловецкая вотчина XV–XVII вв.: Опыт изучения хозяйства и социальных отношений на Крайнем Севере в древней Руси. Пермь, 1927. С. 55–57.

²⁴ Материалы. С. 329–330 (Жалованная грамота царя Федора Ивановича Соловецкому монастырю на Кемскую волость, 15 апреля 1592 г.); Сборник грамот коллегии экономии. Л., 1929. Т. 2 Ст. 465–469 («Отдельная книга» Алексея Толстого Соловецкому монастырю на «четверть» волости Керети, 1607 г.); Карелия в XVII в.: Сб. документов. Петрозаводск, 1948. С. 28–30 (Жалованная грамота царя Михаила Романова Соловецкому монастырю на Шуерецкую волость, 19 сентября 1613 г.).

© И. В. Борисов
Питкяранта

История горного дела Северного Приладожья

На территории Северного Приладожья за период с XVII в. по 1980-е гг. в процессе добычи и переработки полезных ископаемых сфор-

мировалось уникальное индустриальное наследие, включающее более 500 горных выработок и десятки руинированных сооружений.

Строительный, декоративно-облицовочный и подделочный камень

Природный камень Северного Приладожья многие сотни лет использовался местными жителями для строительства крепостных валов (XII–XIII вв.), домов, плотин, кладки горнов и бытовых печей, изготовления точильных брусков и мельничных жерновов.

В XVII в. шведы организовали добычу мрамора в Рускеала, гранита на о. Тулолансаари и «корельских рубинов» (гранатов-альмандинов) в Кителя. В XVIII–XIX вв. дешевые кительские гранаты почти не добывались¹.

В конце 1760-х гг. в окрестностях Сердоболя началась разработка камня для украшения зданий и сооружений С.-Петербурга и загородных парков. В августе 1765 г. из столицы в Выборгскую губернию для изыскания строительных камней был отправлен подмастерье каменных дел Андрей Пилюгин. В Сердоболе он встретился с местным пастором Самуилом Алопеусом – прекрасным знатоком приладожского камня. В июле 1766 г. А. Пилюгин заложил на о. Аресаари, вблизи д. Йоэнсуу, мраморную ломку и уже 24 сентября отправил отсюда в С.-Петербург первое судно с блоками. 22 августа 1766 г. началась добыча мрамора и в Рускеала².

19 января 1768 г. Екатерина II подписала указ Сената об организации добычи камня в Сердобольском и Рускеальском погостах Кексгольмского уезда для украшения Исаакиевской церкви в С.-Петербурге³.

Мраморная ломка на о. Аресаари (Йоен, Ювень, Калккисаари) действовала с 1766 по 1805 г. В 1770-е гг. ювенский мрамор пошел на украшение Исаакиевской церкви, Мраморного дворца, дома Апраксина в столице, Чесменской колонны и Орловских ворот в Царском Селе. В 1840–90-е гг. Валаамский монастырь вывез с о. Ювень оставшийся мрамор, мелкие куски которого пошли на жжение извести, а крупные – на украшение некоторых часовен, церквей и колодцев Валаама⁴.

Рускеальские мраморные ломки действовали с 1766 по 1980-е гг. С 1769 по 1840-е гг. рускеальский мрамор добывался карьерами для украшения сооружений столицы (Исаакиевской церкви, Мраморного дворца, Михайловского замка, Казанского собора, Исаакиевского собора и др.), а также Царского Села и Гатчины. С 1769 по 1839 г. в «Главном» карьере Рускеала было добыто 200 тысяч тонн светло-серого полосчатого мрамора⁵.

В 1770–80-е гг. мраморными работами в Рускеала и Йоэнсуу руководили мастера из Италии, Екатеринбурга и С.-Петербурга. В 1830-е гг. в

Рускеала работали от 300 до 800 человек – крестьян из центральных районов России и жителей Сердобольского уезда. Именно тогда стала складываться «рускеальская» школа мастеров-каменотесов. Добыча мрамора осуществлялась буровзрывным способом, транспортировка – в два этапа: зимой на санях до Хелюля, летом – галиотами по Ладожскому озеру.

С 1860 до 1930-х гг. рускеальский мрамор добывался шахтами и карьерами для получения строительной и технологической извести, а также щебня и декоративной крошки. В начале 1900-х гг. «Главный» карьер Рускеала был значительно углублен. Куски мрамора в вагонетках поднимались на поверхность через шахты и далее отправлялись на известковый завод, построенный в 1895–1937 гг.⁶ В 1944–1992 гг. Рускеальские карьеры продолжали давать мрамор для производства извести, декоративной крошки и щебня. В 1973–1985 гг. в одном из карьеров Рускеала канатными станками выпиливали мраморные блоки.

С 1770 до 1930-х гг. вблизи Сердоболя – Сортавала, на островах Риекалансаари, Ваннисенсаари, Тулолансаари и мысу Импиниеми добывались «сердобольские» граниты. Эти граниты широко применялись в архитектуре С.-Петербурга (Мраморный дворец, Михайловский замок, Казанский собор, Эрмитаж, Николаевский дворец, Невские ворота, Николаевский мост, памятники Николаю I, Екатерине II, дом Вавельберга и т. д.) и Петродворца (Львиный Каскад, Розовый Павильон, Бельведер), а также в небольшом количестве – в Новгороде, Москве и Петрозаводске⁷.

В 1870–1910-е гг. Валаамский монастырь добывал строительные камни на принадлежавших ему ладожских островах Св. Германа (Сюсюянсаари), Св. Сергия (Путсаари), Тилькусаари, Ювень и Валаам. Красные «валаамские» граниты с о. Св. Германа применялись на Валааме (часовни, Спасо-Преображенский собор и др.), в С.-Петербурге (костел Лурдской Божией Матери, буддийский Дацан, Московский купеческий банк и др.), в Москве (Храм Христа Спасителя). Серые «монастырские» граниты с о. Св. Сергия использовались практически во всех постройках Валаамского монастыря. Черные амфиболиты с островов Св. Германа и Тилькусаари и валаамские габбродиабазы использовались на Валааме для украшения Спасо-Преображенского собора и часовен, строительства мостов и колодцев⁸.

Добычей и обработкой камня для Валаамского монастыря занимались рабочие и мастера Сердобольского уезда (преимущественно «рускеальской» и «тулолансаарской» школ), Вологодской и Новгородской губерний.

С 1870 до 1930-х гг. многочисленные каменоломни окрестностей г. Сортавала поставляли для строительства города и приладожских селений различные породы: темно-красные гранитогнейсы, гнейсограниты и

граниты (север города и Кирьявалахти), серые «сердобольские» граниты (о. Риеккалансаари), темно-серые амфиболиты и амфиболовые сланцы (территория города), темно-серые габбродиориты (пос. Кааламо)⁹.

Рудное сырье

Еще в конце XVIII в. вблизи Сердоболя шахтой добывали свинцовый блеск с серебром¹⁰. В 1770–80-е гг. в окрестностях дер. Ялонваара купцы Посников и Сахаров разведывали свинцовые и медные руды¹¹. В начале XIX в. горный мастер Фурман изучал проявления свинца в Хелюля, Мурсула, Ялонваара и меди в Питкяранта¹².

В 1814–1816 гг. компаньоны Федор Баранов, Михаил Ошвинцов и Андрей Анисимов безуспешно пытались добывать и плавить медные руды Питкяранта¹³. С 1816 по 1821 г. владельцами Питкярантских медных приисков, сменяя друг друга, были Чеботарев, Дерябин и Лионель Лукин¹⁴.

С 1832 по 1847 г. разработкой питкярантских медных и оловянных руд занимался Всеволод Омелянов. Управляющим производством при нем до 1840 г. был известный саксонский горный мастер Густав Альбрехт¹⁵.

В 1837 г. в 7 км от Питкяранта, на ручье Койриноя, был построен Митрофановский олово- и медеплавильный завод, проработавший до 1859 г. 23 июля 1842 г. на этом заводе была проведена первая плавка олова. Позже была налажена плавка купферштейна – медно-каменного шлага¹⁶.

В 1842 г. в 2 км от Питкяранта, на ручье Келеноя, Генрих Клее запустил новый медеплавильный завод (Александринский). В декабре 1843 г. на этом заводе началась выплавка купферштейна, а затем и чистой меди. Александринский завод проработал до середины XIX в.¹⁷

В 1847 г. владельцем Питкярантских рудников и заводов стала Санкт-петербургская «Питкярантская» компания, которая развила прибыльную горную деятельность. В конце 1840 – начале 1850-х гг. «Питкярантская» компания построила «Нижний» медеплавильный завод и оловообогадительную фабрику на ручье Келеноя и «Верхний» паровой медеплавильный завод вблизи шахт, а в начале 1860-х гг. – еще две паровые оловообогадительные фабрики¹⁸.

В 1867 г. «Питкярантская» компания прекратила свою деятельность. Возрождение Питкярантских рудников и заводов началось с 1879 г., когда они перешли в собственность компании «Эдвард М. Мейер» и управляющим стал горный инженер Хельмар Фурухельм. В 1880-е гг. добыча руды и выплавка металлов (меди, олова и железа) в Питкяранта успешно развивались. В 1885 г. в Питкяранта был запущен щелочной завод, позво-

ливший извлекать из медной руды серебро и получать более качественную медь¹⁹.

В 1896 г. Питкярантские рудники и заводы перешли в собственность АО «Ладога», которое запустило новые железорудные шахты на рудных полях, открытых геологом Отто Трюстедтом. С 1897 г. железная руда стала обогащаться на фабрике, построенной вблизи дер. Юляристи²⁰, а с 1899 г. переплавляться в чугун в домне, построенной санкт-петербургской компанией «Александровский завод» неподалеку, в местечке Ма-сууни.

В 1904 г. Питкярантские рудники и заводы были закрыты. Добычу руды и выплавку чугуна в Питкяранта пытались возродить в 1914–1916 гг. (АО «Ристиниеми») и 1916–20-х гг. (АО «Питкяранта Брук АБ»).

Руду в Питкяранта и окрестностях добывали буровзрывным способом в трех десятках шахт, глубина которых достигала 50–300 м. Рабочими рудников были жители приладожских деревень – финны, карелы и русские. Руководство работами осуществляли лучшие мастера и горные инженеры из Германии, Швеции и России. С 1830-х гг. до 1904 г. на Питкярантских рудниках было добыто около 1100 тысяч тонн руды, из которой выплавлено: меди – 6,6 тысяч тонн, олова – 0,49, железа (с 1880-х гг.) – 30 тысяч тонн, получено серебра (с 1885) 11,2 тонны, золота – 32 килограмма²¹.

С 1867 по 1873 г. в Люпикко, вблизи Питкяранта, действовал чугуноплавильный завод компании «Вольстедт и Нобель». Сырьем служили залежи гематита района Колатсельга и озерные руды окрестностей Салми.

С 1852 по 1940-е гг. на р. Юваньёки работал Вяртсильский чугуноплавильный завод, основанный Нильсом Людвигом Арппе. С 1898 г. заводом владела фирма «Вяртсиля Ахтиеболаг», с 1908 г. – АО «Вяртсиля». В год на заводе выплавлялось до 15–16 тысяч тонн железа. Сырьем служили озерные железные руды, которые добывались в 50 озерах, расположенных на обширной территории от Китее до Суоярви²².

С 1889 по 1905 г. АО «Путиловское» разрабатывало шахтами титаномagneитовое месторождение Велимяки, открытое геологом Холмбергом в 1855 г. Объем добычи составлял 30–45 тысяч тонн руды в год²³. Руда обогащалась на Велимякской фабрике и отправлялась по Ладожскому озеру на Путиловский литейный (С.-Петербург) и Видлицкий чугуноплавильный заводы.

«Флюсовый камень»

Добыча «флюсового камня» (мрамора), используемого при выплавке металлов, осуществлялась вблизи металлургических заводов. Для Питкярантских заводов мраморы разрабатывали в местечке Хопунваара (1830–1900-е гг.) и на мысу Ристиниеми (1870–1900-е гг.), для Вяртсильского

завода – в 1850–1930-е гг. на берегах оз. Малое Янисъярви, в Улонваара и на мысу Кинтсиниеми²⁴.

Графит

Наиболее крупные разработки графита (всего 450 тонн) осуществлялись вблизи г. Сердоболь у дер. Кимамяки с 1851 по 1870-е гг. Низкосортный «сердобольский» графит пользовался спросом в С.-Петербурге для изготовления плавильных горшков, покрытия кровельного толя и финляндскими заводчиками для производства огнестойкого кирпича²⁵.

Кварц и полевоы шпат

Первые разработки кварца для российских фаянсовых и фарфоровых фабрик появились вблизи Сердоболя еще в 1770-е гг.²⁶ В 1830-е гг. в окрестностях г. Сердоболь ежегодно добывалось до 360 тонн полевого шпата и 16–32 тонн кварца²⁷. С 1850 до 1930-х гг. кварц и полевоы шпат добывали буровзрывным способом траншеями и шахтами на островах Ладожского озера – Валкеасаари, Пусунсаари, Локансаари, Палмиосаари, Путкисаари (район Питкяранта), Риеккалансаари, Лейрисаари, Пеллотсаари (район Сердоболь), Соролансаари, на полуостровах Налганиеми, Нуоланниемеи, Хуннука, у деревень Кителя, Мурсола, Руокоярви, Рускеала²⁸. Сырье вывозили по Ладожскому озеру в С.-Петербург и Финляндию.

На базе памятников индустриальной культуры Северного Приладожья Региональный музей Северного Приладожья и Питкярантский краеведческий музей планируют создать «Музей истории горного дела». В настоящее время ведется работа по музеефикации индустриальных памятников, расположенных в Рускеала, Питкяранта и на о. Тулолансаари.

¹ Буллах А. Г., Борисов И. В., Гавриленко В. В., Панова Е. Г. Каменное убранство Петербурга. Книга путешествий. СПб, 2004. С. 240.

² Алопеус С. Краткое описание мраморных и других каменных ломов, гор и каменных пород, находящихся в Российской Карелии. СПб, 1787.

³ Там же.

⁴ Буллах А. Г., Борисов И. В., Гавриленко В. В., Панова Е. Г. Указ. соч.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Государственная карта полезных ископаемых СССР. Л-Р-35, 36. Петрозаводск, 1956.

¹¹ Алопеус С. Указ. соч.

¹² Фурман Г. Минералогическое описание некоторой части Старой и Новой Финляндии // Горный журн., 1828. Кн. 2, № 11.

¹³ Трюстедт О. Питкярантские рудники и заводы. Гельсингфорс, 1907.

¹⁴ Экономическая жизнь Приграничной Карелии. Сорвала, 1926.

¹⁵ Трюстедт О. Указ. соч.

- ¹⁶ Трюстедт О. Указ. соч.
¹⁷ Борисов И. В., Ильин П. В. Питкярантские рудники и заводы. Лахденпохья, 2004.
С. 52.
¹⁸ Там же.
¹⁹ Трюстедт О. Указ. соч.
²⁰ Борисов И. В., Ильин П. В. Указ. соч.
²¹ Борисов И. В., Ильин П. В. Указ. соч.; Трюстедт О. Указ. соч.
²² Экономическая жизнь...
²³ Государственная карта...
²⁴ Там же; Борисов И. В., Ильин П. В. Указ. соч.
²⁵ Андреев А. П. Ладожское озеро. СПб, 1875.
²⁶ Алопеус С. Указ. соч.
²⁷ Иосса. Краткое обозрение финляндского горного производства // Горный журн., 1836.
Ч. 2, кн. 6.
²⁸ Андреев А. П. Указ. соч.; Государственная карта...

© М. В. Пулькин
Петрозаводск

Переводческая комиссия Архангельского Комитета Православного миссионерского общества (конец XIX в.)

С проблемой языкового и культурного барьера между пастырями и значительной частью прихожан в Карелии столкнулась в первую очередь Русская Православная Церковь. По сути, крещение карел в 1227 г. стало отправным пунктом обрусения. К XVII в. вероисповедание превратилось в Карелии в основной этнодифференцирующий признак: православных по обеим сторонам русско-шведской границы «считали русскими, потому что они не знали шведского закона и общественных традиций»¹. Между тем православное духовенство и русские прихожане на протяжении столетий оказывали постоянное воздействие на повседневную жизнь карел. Об этом со всей определенностью писал известный публицист начала XX в. В. П. Крохин: «Православие, перенятое карелами у русских, внесло собою в жизнь карела обряды и обычаи русского народа»².

Однако ресурсы церкви в этот период оставались незначительными и русификация продвигалась медленно. Пробуждение интереса церковных деятелей к карельскому языку приходится на конец XVIII в., когда духовные власти всерьез озаботились проблемой приобщения «инородцев» к православию. По-настоящему масштабная попытка перевода богослужебной литературы на карельский язык приходится на начало XIX в., когда Синод распорядился перевести Катехизис и Символ веры, в числе других языков, на «олонецкий (южнокарельский. – М. П.) и корельский языки»³. В

дальнейшем, в течение всего XIX в., духовные власти Архангельской и Олонецкой епархий всячески поддерживали тех священников, которые владели карельским языком (в основном с детства) и использовали его при богослужении и совершении церковных треб⁴.

Заметный вклад в дело русификации⁵ внесли миссионерские общества и православные братства. Предшественником последних на Европейском Севере стал Архангельский комитет Миссионерского общества, состоящий из священников, кровно заинтересованных в распространении православия среди так называемых инородцев – представителей коренных народов Европейского Севера России. Комитет возник при следующих обстоятельствах. Сначала по инициативе местного архиерея в Архангельске 21 ноября 1893 г. появился Епархиальный комитет Православного миссионерского общества, затем при нем, согласно указу Синода от 28 июля 1894 г., была создана Переводческая комиссия. Возглавил ее преподаватель местной духовной семинарии Иустин Сибирцев, которому Комиссия поручила «взять на себя труд по переводу и изданию книг на инородческих языках Архангельской епархии и тем оказать свое содействие к осуществлению одной из главнейших целей Комиссии – просвещения инородцев»⁶. Приступая к работе, Комиссия отмечала, что ее активным участникам предстоит нелегкая роль. Особые трудности и опасения вызывало то известное обстоятельство, что «инородческие языки Архангельской епархии – лопарский, корельский, самоедский и зырянский – весьма скудны по лексическому материалу и – по отсутствию письменности и разбросанности населения – отличаются неразработанностью форм и распадаются на несколько наречий или говоров»⁷.

Начало активной деятельности, направленной на просвещение «инородцев» и приобщение их к русскому языку, ознаменовало составление в Архангельске «Азбуки для зырян и ижемцев», «Русско-ижемско-зырянского словаря». На коми язык стали переводиться Священное Писание, различная православная литература, причем переводчиками часто выступали преподаватели духовных школ. Они руководствовались разработанной в Казани системой ознакомления «инородцев» с основами православия и русским языком, рекомендованной начиная с 1870 г., для всех нерусских школ России⁸. Примечательно, что в Архангельске не обошлось и без прямого казанского влияния. На отсутствие необходимой богослужбной литературы на языках народов Европейского Севера обратил внимание архангельский преосвященный Никанор, бывший председатель Казанского просветительского общества имени св. Гурия⁹, вплотную занимавшегося церковным просвещением татар, несомненно, знакомый с педагогической системой Н. И. Ильминского.

Для того чтобы начало работы стало успешным, комиссия предполагала, во-первых, собрать, по возможности, все письменные труды прежних деятелей по изучению «иностранческих» языков. Во-вторых, намечалось просить «нынешних» священников «иностранческих приходов» епархии составить опыты переводов на местные языки наиболее употребительных в пастырской деятельности текстов: молитв, Символа веры, заповедей, чина исповеди, Священной истории и т. п. и представить все подготовленные тексты в комиссию. В том, что такая работа в приходах ведется, члены комиссии не сомневались. Со своей стороны, члены комиссии обязывались заняться внимательным изучением «иностранческих» языков, сравнением и исправлением представленных приходскими священниками переводов, составлением необходимых для «иностранческих» школ книг «с употреблением русского алфавита и присоединением русского отдела» к текстам, переводом на «иностранческие» языки Священного Писания.

Обращение Комиссии к священнослужителям с просьбой о предоставлении текстов старинных и недавних переводов принесло значительные плоды. Первым откликнулся архангельский архипастырь: он представил «черновые труды архимандрита Вениамина по составлению русско-самоедского словаря и по переводу на самоедский язык книг Нового Завета». Вслед за ним помощь Комиссии оказали преподаватели духовных учебных заведений, которые не только знали «иностранческие» языки, но и с энтузиазмом поддерживали начинания в сфере издания литературы, адресованной карелам, саамам, ненцам, коми. Так, преподаватель духовного училища Е. И. Корелин представил текст «Краткой грамматики самоедского языка» и «Исповеди для самоедов». Оба эти текста в свое время подготовил его отец, священник Иосиф Корелин. Внесли свой вклад приходские священники. Священник П. Михайлов прислал в распоряжение Комиссии «Практическое руководство к изучению ижемско-зырянского языка» с приложением «Русско-зырянского словаря». Сын приходского священника А. Усердов пополнил библиотеку Комиссии «Русско-карельским словарем», составленным его отцом¹⁰.

Затем наступил черед священников из самых глухих и удаленных от епархиального центра (то есть Архангельска) приходов. Священник Тунгудского прихода Кемского уезда прислал небольшую брошюру «Начатки христианского учения на карельском и русском языках», изданную в 1882 г., с собственным замечанием о том, что содержащийся в ней текст «мало подходит к наречию карелов Кемского уезда», а сам он не может подготовить необходимый для них текст на карельском языке. Священник Ухтинского прихода этого же уезда Павел Преображенский прислал составленный им «Букварь для карелов» и «Краткий русско-карельский

словарь». От дьякона Логовароцкого прихода этого же уезда в Комиссию поступил составленный им перевод на карельский язык «Краткой священной истории Ветхого и Нового Завета».

В Комиссию были отправлены также переводы книг на «лопарский» и «зырянский» языки. Первый был представлен переводом, подготовленным священником Ловозерского прихода Кольского уезда Николаем Шмаковым. Этот образованный иерей перевел на саамский язык Молитву Господню и Молитву Святому Духу. Текст на «зырянском» языке поступил из Ластинского прихода Печерского уезда. Это были тексты десяти заповедей и Молитвы Господней, переведенные на язык коми священником Владимиром Зуевым. К числу переводов на этот же язык относятся тексты «Вопросов на исповеди» священника Кычкарского прихода Иоанна Михайлова и «Ижемско-зырянского букваря», составленного священником Иосифом Распутиным¹¹. На «самоедском» (ненецком) языке текст в Комиссию прислал священник Мезенского собора А. Ивановский. Он подготовил «приблизительный» перевод текстов Молитвы Господней, Молитвы Святому Духу и Символа веры.

Получив тексты, члены Комиссии приступили к рассмотрению, сличению и редактированию переводов, пытаясь понять, следует ли печатать что-либо из этих разношерстных произведений. Кроме того, они занялись подготовкой учебников для «инородцев» и переводом на их языки «душе-спасительных» книг. С этой целью в Архангельск были приглашены священнослужители, имеющие опыт деятельности в приходах с неславянским населением, в частности, священник Николай Дьячков, «знаток корельского языка», «миссионер корельского края»¹². Вскоре появились плоды их работы. Священник К. Щеколдин подготовил «Азбуку для лопарей, живущих в Кольском уезде Архангельской губернии» и перевод Евангелия от Матфея на саамский язык. Священник М. Усердов совместно с коллегами П. Преображенским и Н. Дьячковым подготовил «Азбуку для корелов, живущих в Кемском уезде Архангельской губернии», а священник Н. Дьячков и дьякон К. Дьячков перевели на карельский язык Краткую священную историю. И, наконец, для «самоедов» (ненцев) Комиссия, в лице преподавателя И. Сибирцева, издала «Букварь для самоедов, живущих в Архангельской губернии»¹³. Ряд изданий находились «в печатании».

Изданные буквари и словари, как говорилось в отчете Переводческой комиссии, «составлены по звукослагательному способу с постепенным переходом от простого к более сложному». В их состав, который формировался по единому принципу, входили: «а) краткий русский отдел; б) молитвы, символы веры и заповеди на инородческом и русском языках и в) цифры». Тиражи изданий оказались значительными. Так, карельская азбука была отпечатана тиражом в 2000 экземпляров, «лопарская» – в 1000, «са-

моедский» букварь – в 500. Евангелие на «лопарском» языке – в 500 и Священная история на карельском языке – в 2000 экземпляров¹⁴. Комитет заботился и о кадрах для «инородческих» школ, положение которых в этот период было удручающим¹⁵. Так, в июне 1897 г. за счет средств Комитета в Кондокскую школу был назначен «особый учитель, знающий корельский язык»¹⁶. Успешно начатую Переводческой комиссией работу продолжило Карельское православное братство¹⁷, которое унаследовало от Комиссии обширное поле приложения сил и придало больший масштаб всем основным чертам ее деятельности и прежде всего переводу Евангелия и богослужебных книг на карельский язык.

¹ Хакамиес П. Восток и Запад – отражение границы в этнических взаимоотношениях в Восточной Финляндии // Народные культуры Русского Севера. Фольклорный этнетет этноса. Архангельск, 2002. С. 17.

² Крохин В. П. История карел. СПб, 1908. С. 2.

³ Российский государственный исторический архив. Ф. 834. Оп. 84. Д. 4. Л. 78; Пулькин М. В. Межэтническое взаимодействие в православных приходах Олонецкой епархии: пути и формы преодоления языкового барьера (XVIII – начало XX в.) // Нестор: Ежеквартальный журнал истории и культуры России и Восточной Европы. СПб, 2000. № 1. С. 275–276. Здесь и далее в цитатах сохранена орфография оригинала.

⁴ Рягоев В. Д. Начин перевода Евангелия от Матфея на «олонецкое наречие» карельского языка // Прибалтийско-финское языкознание: Сб. статей, посвящ. 80-летию Г. М. Керга. Петрозаводск, 2003. С. 24–27.

⁵ См. о политике русификации подробнее: Пулькин М. В. Политика русификации в XIX – начале XX века (по материалам Архангельской и Олонецкой губерний) // Новая политическая история. СПб, 2004. С. 191–206.

⁶ Сибирцев И. О деятельности Переводческой комиссии, учрежденной при Архангельском комитете Православного миссионерского общества // Архангельские епархиальные ведомости. 1894. 15 августа. С. 421.

⁷ Там же.

⁸ История Коми. Т. 1. С. 552.

⁹ Сибирцев И. Указ. соч. С. 420.

¹⁰ Там же. С. 422.

¹¹ Там же. С. 423.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 423–424.

¹⁴ Там же. С. 424.

¹⁵ Пулькин М. В. «Инородческая» школа на Европейском Севере России (конец XIX – начало XX в.) // Бубриховские чтения: Проблемы исследования и преподавания прибалтийско-финской филологии. Петрозаводск, 2005. С. 237–248.

¹⁶ Меньшиков А. Кондокская миссионерская церковно-приходская школа (Краткая историческая сведения) // Архангельские епархиальные ведомости. 1904. 15 сентября. С. 677.

¹⁷ Витухновская М. А. Карельские православные братства: формирование и первые годы существования // Православие в Карелии. Петрозаводск, 2000. С. 80–88; Purmonen V. Piispa Kirpian ja Karjalan veljeskunta // Dokologia. Joensuu, 1980. S. 117–128.

Судьбы приграничья в «Рассказах о Гражданской войне в Карелии» (по материалам Архива КарНЦ РАН)

В центре внимания исследования находится проблема трансформации исторической памяти населения карельского приграничья – современников и участников общественно-политических перемен в нашем крае в начале XX в., очевидцев событий гражданской войны в Карелии¹.

Изменения, которые произошли в традиционном укладе жизни карельской деревни, уездных городов и прежде всего губернского центра Петрозаводска, рассматриваются на основе как опубликованных, так и неопубликованных источников. К первым относятся, в частности, выходящие в 1932, 1957 и 1963 гг. сборники воспоминаний участников революции и гражданской войны 1918–1920 гг. в Карелии².

Однако особый интерес представляют хранящиеся в Архиве КарНЦ многочисленные подготовительные материалы к этим публикациям. Проанализировано более 30 текстов о событиях в Олонецкой и Беломорской Карелии. Значительная часть рассказов о гражданской войне, собранных в 1930-е, послевоенные и 1950-е гг., так и не увидела свет из-за того, что их содержание слишком расходилось с привычной схемой изложения этапов «триумфального шествия» советской власти по стране.

Многие воспоминания носят следы авторской правки, что само по себе может представлять важный источник по истории науки и самостоятельный объект исследования. Достаточно назвать изъятые из воспоминаний Ф. А. Лесонена, уроженца дер. Суднозеро Вокнаволоцкой волости Кемского уезда, упоминание о том, что носителями радикальных идей и сторонниками призывов по-новому организовать жизнь приграничья становились здесь не только возвращавшиеся с фронтов Первой мировой войны солдаты-большевики³.

Оказывается, как писал автор воспоминаний в 1958 г., «в наших деревнях жили и работали рабочие Финляндии, сбежавшие от виселиц и тюрем Маннергейма. Среди них были революционеры, имена которых оставались неизвестными для широких кругов». Во время наступления белофинских отрядов в глубь Беломорской Карелии весной 1918 г. именно финские рабочие революционеры Мюра и Пурсайнен были расстреляны одними из первых в дер. Суопасаара Юшкозерской волости, а уж затем арестованы сторонники новой власти из местного карельского населения⁴.

Но такая «память» не вписывалась в установленную схему и нарушала монополию большевиков на революционизирование жителей приграничья и на чествование павших героев, которые могли происходить лишь из рядов правящей партии или ей сочувствующих. Поэтому из окончательной редакции воспоминаний эпизод с погибшими финскими революционерами был исключен, так же, как и многие «неудобные» подробности, связанные с действиями «Карельского легиона».

Этот легион, или «Карельский полк», ставивший целью изгнание «белых финнов» из Карелии и первоначально насчитывавший до четырех сотен бойцов, был сформирован в июле 1918 г. карельскими добровольцами и командованием английских интервенционистских войск, весной того же года высадившихся на Мурмане⁵.

Воспоминания об инициативе англичан, оказавшихся организаторами защиты Беломорской Карелии от вторжения финнов, также не соотносились с базовым мифом о гражданской войне, который ко времени создания СССР уже принадлежал к основным мифам возникшего многонационального советского государства. Видимо, поэтому во многих воспоминаниях бывших бойцов «Карельского полка» обнаруживаем попытку вывести историю этого вооруженного формирования из первых обращений недавних фронтовиков-карел в Кемский уездный совет еще весной 1918 г. с просьбой оказать помощь бойцами, продовольствием и оружием для освобождения родных деревень от финских интервентов.

По свидетельству И. Ф. Лежоева, «там мы получили поддержку и все для первой необходимости. Уездсовдеп предложил нам начать вербовку карел из наших деревень и работавших на линии Мурманской железной дороги. Мы горячо взялись за работу», которая «была трудной в условиях белофинской оккупации и начавшейся интервенции иностранных империалистов на севере России». Когда 2 июля 1918 г. войска недавних союзников России по блоку «Антанта» захватили Кемь, «Совет был разогнан и лучшие люди расстреляны и посажены в тюрьмы, наш отряд был арестован и распущен». Лишь после этого командир отряда уроженец дер. Кивиярви Г. Лежоев «был послан в штаб английского командования, чтобы получить разрешение о выступлении отряда против белофиннов»⁶.

Аналогичным образом вспоминает о «добританской» истории полка и А. Петров из дер. Контокки: «...англичане прибыли в Кемь из Мурманска в июле 1918 г., заняли его и арестовали только что организованные карельские добровольческие отряды». Арестованных повели на станцию, «где английский штаб учинил всем допрос». После достигнутой с интервентами договоренности «пойти против белых (то есть финнов. – Е. Д.)», если англичане дадут оружие и провиант, «английский генерал хотел включить в наши ряды

своих людей и офицеров, но мы от этого отказались и требовали, чтобы нам разрешили выбрать из своей среды все начальство»⁷.

Служивший же в разведотряде легиона Б. Андронов из дер. Шуезеро в воспоминаниях об организации Карельского добровольческого полка начинает рассказ с событий августа 1918 г., когда в деревню из Кеми прибыл один из земляков для вербовки бойцов в отряд. По его воспоминаниям, «белофинны захватили пограничные деревни Карелии, вследствие чего из этих деревень карельские мужики сбежали партиями в Кемь, где тогда находился английский десант». Там они «обратились к англичанам с просьбой выдать им оружие, провизию и амуницию, чтобы выступить в борьбу против белофиннов, непристойное командование которых надоело карельскому населению. Англичане охотно приняли это предложение»⁸.

Как пишет автор воспоминаний, находились желающие вступить в отряд и среди русских рабочих Кеми, Сороки и других рабочих поселков, но «вербовщики их не принимали, говорили, что возьмем только карелов»⁹. Такие свидетельства не очень вписываются в долгие годы господствовавшие в исторической науке представления о едином фронте трудящихся Карелии, поднявшихся на борьбу против иноземных захватчиков для защиты завоеваний нового строя. И уж совсем не подходящим для публикации оказалось вычеркнутое из редактируемого текста воспоминание Ф. Лесонена о военной учебе бойцов отряда английскими офицерами. Она «усиленно велась до лета» (1919 г. – *Е. Д.*), и «нам было ясно, что готовят нас против Красной Армии и Советской власти»¹⁰.

Как отмечает исследователь феномена коллективной памяти и культуры «припоминания / забывания» И. Нарский, пропаганда первых лет советской власти, повлиявшая на характер рассказов о гражданской войне, оставалась недостаточно гибкой и велась радикально, «по-военному». Самые незначительные явления укладывались в объяснительную схему, состоявшую из оппозиционных понятийных пар вроде «революционный – контрреволюционный» или «патриотический – предательский»¹¹.

Обращают на себя внимание материалы хранящейся в Архиве КарНЦ РАН фольклорной коллекции, в частности, рассказы о гражданской войне, записанные собирателями одновременно с историческими песнями, любовной лирикой и другими жанрами. Они не воспринимались историками как достоверный и надежный источник, а сами фольклористы, имевшие свойственные своему времени представления о том, какой должна быть «правильная» история, зачастую относились к непривычным рассказам своих информантов снисходительно, порой включали в паспортизацию записей комментарии типа «много ненужных подробностей»¹² и т. п.

В частности, никогда не публиковались воспоминания, содержащиеся в материалах экспедиции ленинградской исследовательницы А. М. Астаховой, работавшей в 1932 г. в Беломорье. Разумеется, экспедиции собирателей и составители сборников обращались к памяти лишь одной из сторон – к победителям, участвовавшим в революционных событиях и сражениях гражданской войны. Среди авторов воспоминаний – бывшие красные партизаны, красноармейцы и те из жителей приграничья, кто поддерживал советскую власть. Но в их свидетельствах можно обнаружить неожиданные подробности, которые обычно не встречаются в текстах, написанных «по всем правилам» конспектов-минимумов для воспоминаний о революции и гражданской войне.

В рассказе Н. М. Степанова о побеге из белогвардейского плена, записанном фольклористами в 1932 г., обнаруживаются совершенно уникальные сведения о взаимоотношениях бежавших большевиков с членами созданного летом 1919 г. в с. Ухта и не признававшего советской власти Временного правительства Архангельской Карелии «Тоймикунта».

В воспоминаниях С. И. Леттиева 1959 г. «Тоймикунта» предстает как «белокарельское правительство», возглавляемое «белофинном Туйску». Оно состояло из «белофиннов и карелов, переехавших жить в Финляндию, как Пааво Ахава», который стал крупным торговцем, представителем «местных кулаков и купцов», и, по словам автора воспоминаний, было правительством, ничего общего не имевшим «с нашим трудовым народом»¹³.

Из рассказа Н. М. Степанова выясняется, что бежавшие из лагеря военнопленных первоначально нашли в лице «Тоймикунты» поддержку, получили в Ухте ночлег, а когда через несколько дней «Тоймикунта» предупредила, что не может дать им приюта как большевикам, члены ухтинского правительства собрали им «120 марок финских и 10 рублей русских на дорогу». Автору воспоминаний, в отличие от его спутников, как уроженцу Беломорской Карелии правительство все же позволило остаться в Ухте. Расставшись с товарищами, он «пошел в Тоймекунду просить хлеба», чтобы его приняли на довольствие¹⁴.

Упоминаний о том, что довольствием служил паек хлеба, привозимого правительством из Финляндии, что несколько месяцев один из организаторов советов в Карельском Поморье служил работником у члена правительства «Тоймикунта» Пааво Ахава, а когда «работы у хозяина не стало», Степанов согласился «быть конюхом для обслуживания Тоймекунды», в текстах его воспоминаний, предназначенных для публикации, разумеется, нет. Об этом можно прочитать только в рассказе о побеге из плена, сообщенном Н. М. Степановым собирателю фольклора в начале 1930-х гг.

Документы из различных по характеру собранного материала коллекций Архива КарНЦ РАН позволяют на примере воспоминаний одного из участников и очевидцев гражданской войны в карельском приграничье увидеть, как фильтровалась, деформировалась и фрагментировалась биографическая память человека в процессе «обновления» исторической памяти поколения. Как табуировались ее отдельные эпизоды, приводя к «стиранию» событий, безусловно, значимых для конкретного человека, но предаваемых им забвению, коль скоро они не вписывались в уже установившуюся схему того, что и как следовало вспоминать о революции и гражданской войне, а порой становились опасными для самого вспоминающего.

¹ Подробнее см.: Нарский И. В «империи» и в «нации» помнит человек: память как социальный феномен. Заочный круглый стол *Размышления о памяти, империи и нации* // *Ab Imperio*. 2004. № 1. С. 85–88; Малышева С. Миф о революции 1917 года: первый советский государственный проект // Там же. 2001. № 1–2. С. 285–303.

² В боях за Советскую Карелию: Очерки и воспоминания. Л., 1932; В борьбе за власть Советов: Воспоминания участников борьбы за установление Советской власти в Карелии. Петрозаводск, 1957; За Советскую Карелию. 1918–1920: Воспоминания о гражданской войне. Петрозаводск, 1963 и др.

³ Архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 140. Л. 15.

⁴ Там же. Л. 17.

⁵ Голдин В. И. Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере. 1918–1920. М., 1993; История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001; Nevakivi J. Murmannin legioona. Suomalaiset ja liittoutuneitten interventio Pohjois-Venäjällä 1918–1919. Helsinki, 1970.

⁶ Архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 139. Л. 96–97.

⁷ Там же. Оп. 31. Д. 220. Л. 9–10.

⁸ Там же. Оп. 31. Д. 219. Л. 1.

⁹ Там же. Л. 2.

¹⁰ Там же. Оп. 20. Д. 140. Л. 22.

¹¹ Нарский И. Конструирование мифа о гражданской войне и особенности коллективно-го забывания на Урале в 1917–1922 гг. // *Ab Imperio*. 2004. № 2. С. 222–223.

¹² Архив КарНЦ РАН. Там же. Оп. 1. Кол. 26. Ед. хр. 118. Л. 336.

¹³ Там же. Ф. 1. Оп. 20. Д. 142. Л. 36.

¹⁴ Там же. Оп. 1. Кол. 26. Ед. хр. 118. Л. 345–347.

© В. И. Мусаев
Санкт-Петербург

Контрабанда в российско-финляндском пограничье как экономическая и политическая проблема (1920–30-е гг.)

Контрабанда была серьезной проблемой российско-финляндского приграничья, в частности на Карельском перешейке, еще в XIX – начале XX в., когда Финляндия имела статус автономного Великого княжества в

составе Империи, однако обладала собственной таможенной системой, и ее административная граница с Россией являлась также и таможенной границей. Обретение Финляндией независимости в декабре 1917 г. и официальное закрытие границы не привело к ликвидации или хотя бы к ослаблению этой проблемы. Создавшиеся условия способствовали тому, что контрабанда продолжалась или даже усиливалась, принимая порой весьма причудливые формы.

Развитию контрабанды в послереволюционный период в значительной степени способствовал продовольственный кризис и товарный дефицит в советской России и, в частности, в Петрограде. В этих условиях контрабанда из Финляндии играла далеко не последнюю роль в насыщении петроградского «черного рынка» продуктами и иными товарами. Усиление контрабандного ввоза в Россию продовольственных товаров отмечалось еще летом – осенью 1917 г.¹ В 1918–1919 гг. эта тенденция получила продолжение. В докладе финской пограничной комендатуры о положении на границе с Россией в 1919 г. сообщалось о том, что через границу перевозятся в основном продовольственные товары: мука, масло, крупы, кофе². К числу контрабандных товаров, поставлявшихся в Россию через Финляндию, относился кокаин, пользовавшийся немалым спросом в Петрограде³. В эти же годы у контрабандистов появилось новое прибыльное занятие: переправка через границу в Финляндию беженцев из советской России⁴.

Живучесть контрабанды на Карельском перешейке в значительной степени была связана с тем обстоятельством, что участие в ней составляло важную статью доходов значительной части населения по обе стороны от границы. В упомянутом докладе финской пограничной комендатуры, в частности, констатировалось, что «большая часть населения приграничных районов почти оставила другие занятия и принялась зарабатывать этим способом». По большей части, говорилось далее в докладе, приграничные жители тем или иным способом замешаны в контрабанду: «Если они сами не везут товар, то помогают контрабандистам приобретать его»⁵. В то же время охрана границы с обеих ее сторон оставляла желать много лучшего. На совещании летом 1918 г. представителей комиссариатов Союза коммун северной области отмечалось: «Сухопутная и морская границы с Финляндией охраняются настолько скверно, что фактически границу можно перейти и переехать совершенно свободно»⁶. Один из советских деятелей, совершивший в агентурных целях поездку в Финляндию и обратно, по возвращении свидетельствовал: «По дороге я убедился, что наша государственная граница совершенно не охраняется. На протяжении 40 верст пешего пути я встретил одну только заставу, которая

пропустила меня за кусок хлеба»⁷. Обустройство границы, лишь недавно получившей статус государственной и проходившей по большей части через лесные массивы и болотистые места, требовало времени, для ее охраны не хватало людей, ощущался явный дефицит квалифицированных кадров. Между тем местные жители и связанные с ними контрабандисты отлично знали местность и были хорошо осведомлены о расписании обходов границы пограничными патрулями. С 1918 г. в Финляндии стали появляться ингерманландские финны – беженцы из российской части Карельского перешейка. У многих из них сохранялись связи на российской стороне границы, а известные им «окна» на границе также нередко использовались в целях контрабанды. Сезонная активизация контрабандистов наблюдалась обычно в конце лета, с наступлением темных ночей и более пасмурной и дождливой погоды. Зимой при глубоком снежном покрове нелегальный переход сухопутной границы был несколько затруднен, зато усиливалось движение через Финский залив и Ладожское озеро после того, как на них вставал лед⁸.

Все эти обстоятельства делали борьбу с контрабандой чрезвычайно сложной. Попытки усиления борьбы с контрабандой иногда давали определенный эффект: к примеру, финская пограничная комендатура связывала некоторое снижение активности контрабандистов летом 1927 г. мерами по усилению охраны границы и очищению пограничных деревень от «сомнительных элементов», предпринятыми на советской стороне⁹. Этот эффект, однако, оказывался, как правило, временным. Достижению решительного успеха в значительной мере препятствовал недостаток координации в действиях пограничных властей обоих государств, поскольку советско-финляндские отношения оставались тогда весьма прохладными, сохранялось обоюдное недоверие. Советское правительство в середине 1920-х гг. пыталось достичь соглашения с Финляндией о совместной борьбе с контрабандой. На заседании СНК СССР в ноябре 1924 г. был утвержден проект соответствующего договора, который предусматривал, в частности, обязанность сторон «держат пограничную охрану на протяжении всей пограничной линии» и не допускать «оставления вдоль границы свободной для передвижения товаров пограничной зоны». Переговоры, начавшиеся в конце января 1925 г., были, однако, вскоре прерваны, не дав результата. На следующий год удалось лишь достичь некоторой договоренности о борьбе с контрабандой в Финском заливе, о чем было подписано тройственное советско-финляндско-эстонское соглашение (ВЦИК СССР ратифицировал его лишь в 1929 г.)¹⁰.

Характерной особенностью контрабанды в российско-финляндском пограничье была ее связь с политикой. Профессиональные контрабанди-

сты по большей части были людьми аполитичными. Однако в погоне за наживой они могли за определенную мзду браться за выполнение заданий, связанных со шпионажем и политической пропагандой. Использование контрабандных каналов в политических целях имело место еще до 1917 г. В начале XX в. русские революционеры при деятельной поддержке финских оппозиционных групп и попустительстве местных властей провозили через Финляндию и ввозили в Россию через финляндскую границу газету «Правда» и другую нелегальную литературу, оружие и боеприпасы¹¹. В 1920-е гг. услугами контрабандистов активно пользовались как советские, так и финские спецслужбы, а также русские эмигрантские организации и находившиеся в советской России финские коммунисты. Финские спецслужбы, вербуя агентов среди контрабандистов и ингерманландских беженцев, хорошо понимали, что тем же может заниматься ГПУ. Штаб пограничной охраны сообщал в июне 1922 г. губернатору Выборгского лена: «Значительная часть ингерманландских беженцев, живущих в непосредственной близости от государственной границы, либо занимается контрабандой, либо действует в качестве коммунистических агентов и проводников коммунистических курьеров»¹². На совещании в штабе пограничной охраны в Терийоки с участием главы терийокского отделения Центральной сысской полиции обсуждался вопрос о переселении беженцев вглубь Финляндии. Финские власти в качестве превентивной меры действительно подчас практиковали переселение беженцев из пограничных во внутренние районы страны и, в особых случаях, принудительное выдворение некоторых из них за линию границы. Так, в 1920–1921 гг. из Финляндии был выселен 41 ингерманландец¹³. В марте 1925 г. терийокское отделение Центральной сысской полиции обращало внимание на активность коммунистических курьеров в районе побережья Ладожского озера на участке Метсяпиртти – Кексгольм, причем содействие им оказывала часть местных рыбаков, среди которых имелись «политические сомнительные элементы еще со времен восстания 1918 г.» Руководил работой этой нелегальной сети командир советского пограничного поста в дер. Никулясы финский коммунист Саари, бежавший в Россию после поражения «красных финнов» в 1918 г.¹⁴

Для советских властей активность контрабандистов в приграничных районах была таким же объектом особого внимания, как и для финских. Наиболее «пораженными» контрабандой пограничными территориями на советской стороне границы на перешейке считались Термолово, Охта, Лемболово, Керро и Мустоолово¹⁵. При этом здесь также отмечалась связь контрабанды со шпионажем. В заключительном акте рабочей комиссии по обследованию борьбы с контрабандой в Ленинградском округе от

6 апреля 1925 г. отмечалось, что контрабанда в Сестрорецком районе является «по существу чисто подсобной отраслью и маскировкой шпионской работы и самостоятельного значения... не имеет»¹⁶. Ижорские и ингерманландские рыбаки с Сойкинского и Курголового полуостровов на южном побережье Финского залива, как утверждала финская секция Ленинградского губкома ВКП(б), подолгу бывая в море и общаясь с рыбаками из Финляндии, попадали под влияние финнов, получали от них контрабанду, через них передавались и агитационные материалы. В Сойкино в начале 1926 г. была обнаружена русская белогвардейская прокламация «Общества спасения России»¹⁷. В июне 1929 г. в «Ленинградской правде» рассказывалось о деле четырех финских контрабандистов, которых зимой 1928 г. задержали на льду Финского залива, причем все они ранее в разное время уже арестовывались за контрабанду, но трое из них были освобождены, а четвертый бежал из-под стражи. На следствии удалось выяснить, что эти лица взялись выполнить поручение финской разведки за вознаграждение в 4 тысячи марок¹⁸.

В 1935 г. началась инициированная НКВД операция «по очистке пограничной зоны Ленинградской области и Карелии от кулаков и антисоветских элементов». Соответствующий приказ управления НКВД по Ленинграду и области был принят 28 марта 1935 г.¹⁹ С ним связаны и принятые в мае того же года советскими и партийными руководящими органами Ленинградской области постановления «О пограничном режиме в пограничных округах и районах Ленинградской области» и «Об усилении паспортного режима в г. Ленинграде и режимных районах Ленинградской области»²⁰. Эти мероприятия в первую очередь диктовались интересами обороны, но к числу задач их проведения относилось, в числе прочих, и намерение покончить, наконец, с контрабандой в советско-финляндском пограничье. Операция, длившаяся больше года, фактически свелась к поголовному выселению из пограничных районов Карельского перешейка финноязычного населения (советские власти, таким образом, оказались куда радикальнее своих финских коллег, проводивших лишь выборочные выселения). Только такими мерами, характерными для тогдашнего советского руководства, в сочетании со строительством вдоль границы мощной линии оборонительных сооружений удалось достичь поставленной цели: применительно ко второй половине 1930-х гг. можно говорить, что граница действительно была надежно закрыта.

¹ Hämäläinen V. Karjalan kannaksen venäläinen kesäasutus ja sen vaikutus Suomen ja Venäjän suhteiden kehitykseen autonomian ajan lopulla. Tampere, 1974. S. 211.

- ² Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге (далее – ЛОГАВ). Ф. 147. Оп. 1. Д. 60. Л. 1.
- ³ Шкаровский М. В. Семь имен «кошки»: расцвет наркомании в 1917–1920-е гг. // Невский архив. 3. М.; СПб, 1997. С. 468.
- ⁴ Karste-Liikkanen G. Pietari-suuntaus kannakselaisessa elämäküntässä 1800-luvun loppupuolelta vuoteen 1918. Helsinki, 1968. S. 240–241.
- ⁵ ЛОГАВ. Ф. 147. Оп. 1. Д. 60. Л. 2–3.
- ⁶ Рупасов А. И., Чистиков А. Н. Советско-финляндская граница. 1918–1938. СПб, 2000. С. 32.
- ⁷ Центральный государственный архив историко-политических документов С.-Петербурга (далее – ЦГАИПД СПб). Ф. 3631. Оп. 1. Д. 31а. Л. 1об.
- ⁸ EK:n Terijoen alaosasto. Tilannekatsaus № 26. 29.12.1925 // Kansallisarkisto, Helsinki (далее – КА). EK-Valpo. Ryhma 16. № 2763.
- ⁹ Salakuljetus ja rajan yli tapahtuva liikenne. Selostus 30.8.1927 // Ibidem.
- ¹⁰ Рупасов А. И., Чистиков А. Н. Советско-финляндская граница... С. 134.
- ¹¹ См.: Мусаев В. И. Великое княжество Финляндское и русские революционеры (начало XX в.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб, 2004. С. 282–290.
- ¹² Kannaksen rajavartioston esikunta – Viipurin läänin maaherralle 10.06.1922 // КА. Inkerin arkisto. Kansio XXXVII.
- ¹³ ЛОГАВ. Ф. 1. Оп. 16. Д. 681. Л. 9–11.
- ¹⁴ EK:n Terijoen alaosasto. Tilannekatsaus № 23. 13.3.1925 // КА. EK-Valpo. Ryhma XXIII. В 1.
- ¹⁵ Рупасов А. И., Чистиков А. Н. Советско-финляндская граница... С. 143–144.
- ¹⁶ Там же. С. 132–133.
- ¹⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 12. Д. 12 048. Л. 31об.
- ¹⁸ Ленинградская правда. 1929. 2 июня.
- ¹⁹ См.: Мусаев В. И. Политическая история Ингерманландии в конце XIX – XX вв. СПб, 2004. С. 398–399.
- ²⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2. Д. 172. Л. 53.

© *Е. В. Дианова*
Петрозаводск

Кооперация и повседневность: будни и праздники жителей Карелии в 1920-е гг.

С окончанием гражданской войны и переходом к мирной жизни стали восстанавливаться товарно-денежные отношения, сельское хозяйство и промышленность. В городах и деревнях возобновлялась традиционная повседневная жизнь с заботами о хлебе насущном. У владельцев личных подворий и частных хозяйств на первый план вышли будничные хлопоты, связанные со своим домашним хозяйством: обеспечение рабочим скотом, семенами и орудиями труда, распределение земельных наделов.

В 1920-е гг. кооперация влияла на многие стороны повседневной жизни всего советского общества, в том числе и крестьянства. Будни и празд-

ники городских и сельских жителей Карелии как пограничного региона также во многом определялись деятельностью кооперативных организаций. Участие граждан в кооперации обеспечивало снабжение продуктами питания и товарами широкого потребления, инвентарем, инструментами и сырьем кустарей и ремесленников, крестьян, членов кооперативных товариществ.

В период новой экономической политики кооперации отводилась роль в организации обмена, торговой смычки между городом и деревней, чтобы обеспечить воздействие пролетарского государства на мелкотоварное хозяйство и подготовить переход крестьянства на путь социализма. В сознание населения внедрялось представление о том, что «кооперация есть способ, которым трудящиеся могут улучшить свою жизнь и избежать угнетения со стороны рыночных посредников и ростовщиков»¹.

В начале нэпа основной формой экономической связи государственной промышленности с крестьянским хозяйством предполагался безденежный товарообмен. После нескольких лет политики «военного коммунизма» руководство страны проявило страх перед полной легализацией товарно-денежных отношений. Основным аппаратом для проведения товарообмена была признана потребительская кооперация.

При организации товарообмена в 1921–1922 гг. государство предоставляло кооперативам различные товары (предметы домашнего обихода и орудия сельского хозяйства), те должны были в обмен на товары готовить у населения хлеб, овощи, рыбу и т. п. Товарообменный фонд в Карельской Трудовой Коммуне был очень скромным: 40 сепараторов, 61 коса-литовка, 393 косы-горбуши; больше всего было серпов – более 4500 штук. Распределение сельхозинвентаря между уездами Карельской Трудовой Коммуны проводилось с особой тщательностью, при этом некоторые уезды вообще не получали из-за бедности товарообменного фонда каких-либо орудий труда. Так, косы-горбуши были выделены только Кемскому и Петрозаводскому уездам, а в Олонецкий уезд отправлено лишь 30 кос-литовок. В товарообменный фонд Карельского союза кооперативов поступили также галантерея и небольшое количество предметов домашнего обихода: нательные кресты, ситцевые платки, гребни, ложки, хлебные лопаты².

Переход к рыночным отношениям через товарообмен проходил с большим напряжением для кооперативных организаций, которые не всегда могли предоставить населению товары повседневного спроса. На кооперативных складах находились отрезы бархата и шелка, коробки с рюмками и тальком, хрустальные рюмки и фарфоровые сервизы. А крестьяне

хотели приобрести керосин и мыло, ситец и спички, чай и сахар, соль и гвозди, мелкий сельскохозяйственный инвентарь и др. Наличие ненужных для крестьянства товаров было одной из причин неудавшегося товарообмена. Так, кооперация Карельской Трудовой Коммуны справилась с выполнением государственных заданий по товарообмену только на 50%. В обмен на продукты сельского хозяйства из товарообменного фонда Карельского союза кооперативов («Карсоюза») население Карельской Трудовой Коммуны получило 56 граблей, 25 серпов, 19 кос, 24 подковы, 18 деревянных ложек, 5 гребенок, 2 пары парусиновых туфель и пр.³

После провала товарообмена стало очевидно, что снабжение населения товарами широкого потребления кооперация может осуществлять только при налаживании кооперативной торговли. Для работников кооперативных организаций на первом плане стояло решение насущных задач, связанных с организацией торговых точек, магазинов, складов, лавок сельпо, хранилищ, ссыпных и заготовительных пунктов. Сельские потребительские общества наряду с торговлей занимались заготовкой и сбытом продуктов сельского хозяйства.

В связи с расстройством финансовой системы страны в начале 1920-х гг. кооперативные союзы вынуждены были проводить торговые операции по обмену одного вида товара на другой. Так, Олонецкий губернский союз потребительской кооперации по договору с Главрыбой (Москва) менял 2 тысячи пудов смолы на сети, пряжу и веревки. Договор с Управлением кожевенных заводов в Петрограде предусматривал поставку 7 тысяч пудов кожсырья в обмен на шорные товары. Крымская контора Центросоюза по договору с Олонецким губсоюзом должна была поставить в обмен на лес 2 тысячи пудов сахара, 700 пудов риса, 250 пудов фасоли и др. По договору с Курским губсоюзом Олонецкий губернский союз кооперативов отправил 36 тысяч кубометров теса в обмен на зерно. При этом 10 фунтов хлеба приравнивалось к 1 кубу теса. В 1922 г. из Курска в обмен на лесоматериалы были получены 4824 пуда ржи, 100 пудов проса, 785 пудов овса⁴.

В дальнейшем потребительская кооперация продолжала заниматься снабжением жителей Карелии необходимыми товарами и продуктами питания. В Ленинграде было создано отделение Карело-Прионежского союза потребительских обществ, куда отправлялись продукты сельского хозяйства, ягоды, грибы, рыба, дичь, изделия кустарных промыслов, а в Карелию поставлялись бакалея, мануфактура, обувь, пряжа, сахар, чай. В Кеми, Медвежьегорске, Петрозаводске, Пудоже и Соробе работали районные базы Ленинградского представительства «Каронегосоюза», куда направлялись оптовые партии товаров транзитом из Ленинграда.

В середине 1920-х гг. весьма актуальным был вопрос: «Что реально дала кооперация? В какой мере пользуется основной потребитель (рабочий и крестьянин) кооперативными лавками в своих ежедневных закупках?» Обследование некоторых крестьянских хозяйств Северо-Западной области показало, что для крестьянского бюджета роль кооперации достаточно значительна. В 1925/26 г. крестьянин в кооперативных лавках делал от 56 до 65% всех своих закупок. В городах кооперативная торговля через лавки рабочих кооперативов и распределительные пункты на предприятиях на 50–56% обеспечивала продуктами питания, одеждой и обувью только граждан, работающих на данных предприятиях и являющихся членами кооперативов. Государственная торговля все еще не могла дать широкий выбор товаров, удовлетворение покупательного спроса населения происходило за счет частного рынка.

Однако рост кооперативной торговли и увеличение ее товарооборота не могли сразу радикально повлиять на состояние потребительского рынка в отдаленных районах Карелии, там оно по-прежнему оставалось неудовлетворительным. В первую очередь сказывалась сезонность поставки товаров, что нередко приводило к затовариванию складов и медленно обороту средств кооперации. Централизованное распределение дефицитных и пользующихся спросом у населения товаров (чай, консервы, макароны и т. п.) обеспечивало прежде всего крупные и промышленные центры, а снабжение мелких населенных пунктов происходило по остаточному принципу. При наличии возросшей покупательной способности населения это приводило к постоянному неудовлетворенному спросу на различные продукты и товары первой необходимости. Недостаток различных товаров повседневного спроса, ограниченное распределение их по потребляющим районам, в том числе и в Карелию, узкий ассортимент и продажа товаров «в нагрузку» не только отрицательно влияли на бесперебойную торгово-снабженческую деятельность кооперации, но и заставляли население обращаться к услугам частного рынка.

В начале 1920-х гг. была восстановлена сельскохозяйственная и кредитная кооперация. В 1921 г. образован Карельский краевой союз сельскохозяйственных и промысловых кооперативов («Крайсоюз»). Правление данного союза стремилось к максимальному удовлетворению нужд крестьянства Карелии в снабжении его орудиями и инвентарем, семенами, рабочим скотом и «всякого рода материалами, необходимыми в сельском хозяйстве». Так, в 1923 г. с помощью «Крайсоюза» деревня получила несколько сотен кос и серпов, 18 сепараторов, 289 пудов семян. В 1924 г. «Крайсоюз» поставил крестьянам бороны, плуги, соломорезки и другие орудия труда, семена трав

и огородных культур на общую сумму около 85 тысяч рублей. На складах «Крайсоюза» имелось более 70 наименований предметов сельскохозяйственного производства, в том числе 47 наименований машин, деталей и запасных частей к ним, 35 сортов трав, огородных и полевых культур. Условием сбыта техники первичным кооперативам была выплата задатка 25–30% стоимости покупаемых орудий и машин, остальная часть их стоимости погашалась в рассрочку. В 1923 г. для снабжения рабочим скотом крестьянских хозяйств Карелии «Крайсоюз» закупил в Смоленской и Витебской губерниях 178 лошадей. В 1924 г. «Крайсоюзом» было закуплено в Финляндии еще 225 лошадей. Лошади отпускались через сельскохозяйственные кооперативы с рассрочкой платежей на один год⁵.

Кооперация занималась заготовкой, переработкой и сбытом сельскохозяйственной продукции (мяса, молока, масла, кожи, шерсти, сена, ягод и т. п.). «Крайсоюз» проводил закупку у сельских жителей Карелии не только продуктов сельского хозяйства, но и изделий кустарных гончарных, кузнечных, бондарных, скипидарных, дегтярных и других промыслов. Продукты сельского хозяйства, ремесленные изделия, а также грибы, ягоды, рыба, дичь, лекарственные растения отвозились в Ленинград и другие города страны. Сбытовая кооперация, заготавливая продукты сельского хозяйства и промыслов, избавляла крестьян от посредничества скупщика, увеличивала доходы крестьянского двора.

Для развития кредитной кооперации в крае в 1923 г. было создано Карельское агентство Северо-Западного общества сельскохозяйственного кредита. Одним из первых, кто воспользовался услугами данного общества, стал крестьянин из пограничного с. Реболы И. А. Тергуев. В 1924 г. он получил в Петрозаводске ссуду для покупки лошади и приобрел ее в Ленинграде. Вернувшись верхом на ней в свое село, И. А. Тергуев организовал там кредитное товарищество, председателем правления которого он являлся на протяжении многих лет⁶.

Необходимо отметить, что низовая кредитная кооперация при поддержке Карельского общества сельскохозяйственного кредита нашла отклик среди крестьянства и получила довольно широкое распространение. Благодаря помощи кредитной кооперации в Карелии к 1 октября 1927 г. было организовано около 170 мелиоративных товариществ, выданы 103 тысячи рублей на мелиорацию 3 тысяч гектаров земли. К этому же времени в Карелии действовало 30 машинных товариществ, которым на приобретение 5 тысяч различных сельскохозяйственных машин и других орудий труда, в том числе трех тракторов, было выдано 170 тысяч рублей. В 1927 г. в Карелии зарегистрированы 4 маслодельные артели, на

устройство шести маслодельных и сыроваренных заводов было отпущено через кредитную кооперацию 15 тысяч рублей. Во второй половине 1920-х гг. стали появляться специальные животноводческие, коневодческие кооперативные товарищества. Для их развития через низовые кредитные кооперативы крестьяне получили 890 тысяч рублей на приобретение 5800 лошадей, 117 тысяч рублей на приобретение 2200 голов крупного рогатого скота, 52 тысячи рублей для покупки «сильных» и простых кормов для скота, 33 тысячи рублей на покупку 26 тысяч пудов семян трав⁷.

С помощью кредитной кооперации укрепились крестьянские общества взаимопомощи, ведущие лесозаготовительные операции: на развитие лесных артелей было выдано в кредит 58 тысяч рублей. Население Беломорского района получило 470 тысяч рублей на приобретение 5 тысяч штук различного рыбопромыслового инвентаря (сети, моторы, лодки). Например, житель с. Кереть известный сказитель М. М. Коргуев в 1920-е гг. через кредитное товарищество смог купить два баркаса, снасти, лошадь, которые потом сдал в общий фонд при вступлении в колхоз «Красный рыбаки»⁸.

В пограничной полосе, особенно сильно пострадавшей в период гражданской войны, население брало кредиты на строительство и ремонт жилья и других зданий. В общем на строительные цели было выдано 10% имеющихся средств низовых кредитных товариществ, или 260 тысяч рублей. На эти деньги в Карелии были построены 2 тысячи домов, хлевов, сараев и других хозяйственных построек. Кроме того, на строительство крестьянству выдали еще дополнительно 250 тысяч рублей⁹.

Кооперация влияла на повседневную жизнь крестьянства, на его привычный уклад жизни и организацию хозяйства. Она ставила крестьянина в известность о требованиях рынка, заставляла менять весь план своего хозяйства и строить его на новых основаниях: закупать новые улучшенные сорта семян, применять передовые методы агротехники, расширять кругозор и получать новые знания по земледелию и животноводству. Для этого члены кооперативных товариществ посылались на различные курсы по молочному делу, по сортировке и первичной обработке льна и конопли, по счетоводству и бухгалтерскому учету.

С целью заинтересовать крестьян Карелии в использовании передовых способов агротехники, улучшенных сортов трав, огородных и зерновых культур, выращивании племенного скота кооперативные товарищества проводили сельскохозяйственные выставки с показом образцов сельскохозяйственных машин, а также рабочего скота и других животных из крестьянских подворий. Кооперация занималась также организацией показательных участков, огородов и полей. Такое хозяйство было организовано Карельским союзом сельскохозяйственных кооперативов в начале

1920-х гг. на землях бывшей коммуны «Братство». Здесь выращивалась рассада огурцов, капусты, брюквы, свеклы и других овощей на продажу населению Петрозаводска. На опытных полях Карельского союза сельскохозяйственной кооперации демонстрировались совместная обработка земли и уборка урожая механическим способом. Олонецкое сельскохозяйственное товарищество также организовало показательный участок полеводства и огородничества с применением торфа и минеральных удобрений¹⁰.

В центре внимания кооперативных организаций находились вопросы культурно-просветительской работы среди кооперированного населения: борьба за новый быт, ликвидация неграмотности, распространение знаний по агрономии, маслоделению и т. п. Для повышения образовательного уровня кооперативных работников правление Карельского союза сельскохозяйственных кооперативов выписывало в Финляндии журналы и книги по сельскому хозяйству на немецком языке. Корреспонденция поступала на адрес конторы Внешторга Карелии в Гельсингфорсе, а оттуда приходила с дипломатической почтой в Петрозаводск.

После появления в печати статьи В. И. Ленина «О кооперации» она оказалась в центре официальной агитации и пропаганды как «столбовая дорога к социализму». Кооперативные работники были втянуты в борьбу за новый быт. Одной из наиболее острых была проблема бытового пьянства. Кооперативные лавки для увеличения товарооборота были вынуждены заниматься торговлей вином и пивом. В то же время многие кооператоры заняли принципиальную позицию по отношению к злоупотреблению алкогольными напитками. В лавках сельских и городских потребительских обществ висели плакаты «Кооперация и пьянство несовместимы!». В 1920-е гг. в правление и ревизионные комиссии стали повсеместно привлекать женщин – работниц и крестьянок. Под руководством женсоветов и кооперативных активов устраивались шествия пионеров и школьников с лозунгами «Отец, не пей! Купи книги детям, одень их! Пьянство губит тебя и детей!» и др. В библиотеки и красные уголки при кооперативных товариществах поступали книги серии «За переделку быта», в которых в сатирическом виде были представлены «обломки старого быта»: мешанство, алкоголизм, обывательщина, комчванство, стремление к «изящной жизни».

В 1920-е гг. кооперация участвовала в организации всех революционных празднеств. В Карелии как пограничном регионе уделялось особое внимание празднованию Дня международной солидарности трудящихся 1 мая, Международного дня кооперации, Международного юношеского дня и др. В 1920-е гг. среди населения сверху настойчиво формировалась традиция отмечать советские гражданские праздники. Кооперативные

союзы получали из центра различные указания по организации того или иного праздника. Так, к молодежному празднику через кооперативные организации рассылались плакаты «Да здравствует Международный юношеский день!», «Молодежь, готовь кооперативную смену!», «Вперед на бой с капитализмом!», «Пролетарий, будь начеку!»; в конце 1920-х гг. появились плакаты такого содержания «Победного шествия пятилетки не остановить империалистам!»; «Крепи оборону страны, призывник!» и т. п.

При проведении Международного дня кооперации отмечалось его особое значение для совместной борьбы советских рабочих и всего мирового пролетариата за светлое будущее: «День кооперации будет за границей днем борьбы за освобождение от гнета капиталистов и помещиков. Раскрепощение трудящихся требует союза рабочих и крестьян всего мира». Однако жители глубинки и отдаленных районов Карелии зачастую были равнодушны к подобным мероприятиям, новые праздники они проводили как будни в трудах и заботах по своему крестьянскому хозяйству.

Таким образом, кооперация была важным элементом жизни советского общества 1920-х гг., она оказывала непосредственное влияние на повседневную жизнь людей той эпохи.

¹ Пожелания крестьянской кооперации Архангельской губернии на 1923 год. Архангельск, 1923. С. 8.

² Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК). Ф. 545. Оп. 1. Д. 10/187. Л. 17.

³ Там же.

⁴ Там же; Олонецкий кооператор. 1922. № 3–4. С. 36

⁵ НА РК. Ф. 244. Оп. 1. Д. 18/231. Л. 2–3.

⁶ Экономика и статистика Карелии. 1928. № 1. С. 85.

⁷ Там же. С. 94–95.

⁸ Там же; Серебряный корабль: Сказки Матвея Коргуева. Петрозаводск, 1988. С. 12.

⁹ Экономика и статистика Карелии. 1928. № 1. С. 94–95.

¹⁰ НА РК. Ф. 244. Оп. 1. Д. 17/221. Л. 134.

© С. Н. Филимончик
Петрозаводск

Городские школы Карелии в годы нэпа: новации и традиции

История советской школы Карелии в 1950 – первой половине 1980-х гг. изучалась прежде всего исходя из задач модернизации общества, которые решали большевики. А. И. Афанасьева, Г. Е. Власьев, Н. Г. Кучепатов, Л. М. Нюнько делали акцент на демократизацию школы

в 1920-е гг., подчеркивали успехи в укреплении ее материальной базы, акцентировали внимание на светском характере образования, возрастании роли естествознания в учебном плане. С конца 1980-х гг. школа стала рассматриваться прежде всего как социальный институт, характеризующий процесс утверждения в 1920–30-е гг. в России авторитарного режима. Усиление в 1920–30-е гг. идеологизации школы наиболее обстоятельно проследила О. П. Илюха. В условиях антропологического и лингвистического поворотов в историографии исследователи стали уделять больше внимания языковой политике в образовании, истории школы в пограничных регионах Карелии, где сосуществовали и взаимодействовали разные культуры. В этом плане особенно важны исследования А. И. Афанасьевой, Л. И. Вавулинской, Е. Ю. Дубровской, О. П. Илюха, В. Г. Кондратьева. В последние годы региональная историография стала отходить от традиции жесткого разграничения (вплоть до противопоставления) до- и послереволюционной школы.

Гражданская война нанесла особый урон городским поселениям. В 1920 г. в Карелии училась только половина городских детей школьного возраста. С 1919 по 1921 г. в крае закрылось около трети школ¹. В 1920-е гг. стали школьниками дети, родившиеся в период демографического кризиса мировой войны и революции. Длительное недоедание, тяготы прифронтовой обстановки тяжело сказались на их здоровье. В ходе медицинского осмотра школьников Петрозаводска в 1926/27 г. были признаны вполне здоровыми не более 1% детей. В школах Кеми у 70% детей были выявлены серьезные заболевания. Такая же картина наблюдалась в школах Сорокского, Олонецкого, Тунгудского, Прионежского районов. Особенно широко среди школьников была распространена анемия. Высок был уровень заболеваемости туберкулезом. Довольно часто в характеристиках поведения детей встречаются такие определения, как «крайне нервный», «совершенно не владеет собой». В этих трудных условиях возрождение школы невозможно было вести без опоры на предшествующий опыт и традиции. Несмотря на сохранение революционной риторики и противоречивость практических действий власти, этому объективно способствовало провозглашение нэпа.

В трудное время школы стремились опереться на поддержку городского общества, прежде всего семей учащихся. Для укрепления школьного хозяйства использовался опыт деятельности в начале XX в. родительских комитетов². В подавляющем большинстве школ были созданы комитеты содействия, организовано шефство предприятий и учреждений. Комсоды и шефы вели сбор средств, отапливали и освещали школы³. В 1923/24 учебном году все хозяйственное обслуживание школ в Кемском

уезде было передано комсодам и шефам. В октябре 1923 г. родительское собрание в школе 2-й ступени г. Пудожя обложило каждое семейство, имеющее детей-учащихся, по ½ сажени дров натурою или по 1 пуду хлеба (ржи). Правда, вскоре Совет школы уточнил, что «помощь школе от населения считать лишь желательной, но необязательной, а потому и взносы (дровами или деньгами), предложенные комсомодом, могут быть только добровольные»⁴.

В 1924 г. в городских школах была введена плата за обучение. Ее вносили предприниматели, торговцы, интеллигенция, кустари и ремесленники, а также рабочие и служащие, чей заработок превышал 50 руб. в месяц. Введение платы не привело к существенному укреплению материальной базы учебных заведений. Закон освобождал от платы от 40 до 90% школьников. Многие школы высказывали недовольство введением платы, поскольку сразу значительно сократилась добровольная помощь населения⁵. Основную часть денег на содержание школы выделяло государство. В 1927/28 г. в Петрозаводске на развитие образования было отпущено 326,5 тыс. руб. бюджетных средств, родительские взносы за обучение составили 1% от этой суммы – 3,3 тыс. руб.⁶

В то же время у части горожан сохранялось традиционно пассивное отношение к школе, неверие в важность учебы для будущего детей. До революции чаще всего пребывание в школе ограничивалось 1–2 годами, когда ребенок овладевал навыками чтения, счета, письма. В дальнейшей учебе детей многие родители не видели прока⁷. В 1920-е гг. начальные школы Петрозаводска оканчивали 75%, а в уездных городах – менее половины поступивших в первый класс. Высокий отсев и пропуски занятий были отчасти связаны с высокой заболеваемостью детей, зимой – с отсутствием одежды и обуви, но прежде всего они обуславливались традиционно массовым отвлечением детей для домашних работ.

Развал старой государственности, ослабление прежде строгого надзора над внутренней жизнью учебных заведений, содержанием школьного образования в первые послереволюционные годы в определенной мере активизировали попытки провести в жизнь назревшие еще в конце XIX – начале XX в. преобразования. Безусловно, дореволюционные классические гимназии накопили бесценный опыт: серьезное изучение древних языков давало привычку к напряженному умственному труду, тренированную память, умение анализировать тексты. Однако все более активно критиковались в деятельности дореволюционной школы авторитарность, муштра, оторванность от жизни. Новый импульс получили идеи, высказывавшиеся в дискуссиях о приоритетах образования передовыми педагогами дореволюционной школы: важно помочь подростку

не только овладеть основами знаний, но и сформировать социальные умения, интегрироваться в окружающий мир.

В 1920-е гг. в школах 1-й ступени предметное преподавание отменили, заменив его комплексными программами. На уроках дети получали информацию из разных областей научных знаний, связанную общей темой: «Времена года», «Дикие и домашние животные», «Охрана здоровья», «СССР», «Наш край», «Октябрьская революция» и др. Уроки по новым программам требовали большой организационной и методической подготовки, применения новых методов. Вокруг новых программ и комплексной системы обучения развернулись бурные споры среди учителей. Критики комплексной системы указывали, что ее применение ведет к снижению уровня овладения учебными навыками. Сторонники системы парировали: «Не менее важны, чем навыки математики, русского языка, навыки коллективного труда, организаторские навыки и т. д. Все они из комплекса и вытекают»⁸. Через несколько лет стало ясно, что свертывание предметной системы не привело к повышению качества знаний школьников. На второй год в городских школах оставалось 14–19% учеников. В 1927–1928 гг. были введены программы в новой редакции, предполагавшие сочетание комплексного и предметного обучения.

Перед Первой мировой войной в России приобрели популярность идеи итальянского педагога Марии Монтессори. Она резко критиковала традиционную школу за авторитарность, призывала опираться на индивидуальность ребенка. Девизом такой школы стал обращенный к взрослому призыв: не «научи», не «объясни», а «помоги мне это сделать самому». В 1913 г. в России появился первый детский сад Марии Монтессори, вскоре возникло общество «Свободное воспитание (метод Монтессори)»⁹. В начале 1920-х гг. в Карелии активно обсуждались возможности практического использования идей итальянского педагога Марии Монтессори в работе с детьми младшего возраста¹⁰.

В школах 2-й ступени поддержание школьного порядка и дисциплины было возложено на органы ученического самоуправления: собрания, ученические комитеты, комиссии и т. п. Постоянным органом самоуправления стал школьный ученический совет (ШУС). Представители ШУСа участвовали в работе педагогического совета с правом решающего голоса. В свою очередь педагоги выделяли своего представителя в ШУС.

В обучении очень большое внимание уделялось экскурсионному методу, который активно разрабатывался в отечественной педагогике с начала XX в. В городских школах систематически проводились экскурсии на природу, на промышленные предприятия. Так, в 1926/27 учебном году ученики 2-й группы 3-й школы Петрозаводска побывали на 17 экскурсиях, в том

числе на Онежское озеро и Лососинку, на курган, в лес, в портновскую и сапожную мастерские, в музей, в совхоз, на рынок, в гостиный двор, в Голиковский и Летний сад, на железнодорожный вокзал. По их итогам школьники рисовали, делали гербарии, чертили схемы и диаграммы, писали сочинения, заполняли дневники погоды. Ребенок выходил из своего привычного окружения, наблюдал предметы изучения в их естественной обстановке, а не в искусственном воспроизведении. Смысл экскурсионного метода состоял в активном познании мира. Экскурсия расширяла не только когнитивные способности ребенка, но и его способность переживать, приучала к наблюдательности, развивала личность. В организации экскурсий было и немало трудностей. Не всегда можно было согласовать приход детей с производственным ритмом предприятия, многие мастерские были маленькими и не могли вместить класс. А в зимние морозы дети часто отказывались от экскурсий из-за плохой одежды и обуви.

Новый импульс получило в 1920-е гг. развитие краеведения. В Пудожской опорной школе ученики под руководством агронома проводили обследования крестьянских хозяйств, изучали местные почвы, составляли диаграммы доходности ремесел. Большой опыт краеведческой работы был накоплен в Сорокской опорной школе. Дети составили план города, диаграмму разных видов местных почв, собрали коллекцию «Камень и что из него получают в природе». Ученики изготавливали модели сельскохозяйственных орудий, представляли письменные работы «Как улучшить породу нашего скота. Чем у нас кормят коров и как бы их надо кормить». Собранный в Пудоже и Соробе краеведческий материал стал основой школьных музеев¹¹.

В 1920-е гг. школы 2-й ступени и девятилетки работали в основном в городских поселениях Карелии. Значительно облегчился доступ в среднюю школу для детей рабочих и крестьян-бедняков. В то же время сохранился принцип отбора детей в школы повышенного типа в зависимости от социального происхождения. Теперь среднее образование старались ограничить для детей духовенства, предпринимателей, некоторых групп интеллигенции. Однако фактически к концу нэпа в школах повышенного типа Карелии, как и до революции, сохранялось преобладание детей служащих.

В советской школе не только сохранилась с прежних времен, но и значительно возросла идеологизация и политизация учебной и воспитательной работы. В 1923 г. во всех школах Карелии было введено преподавание политграмоты, причем в школах 2-й ступени этот предмет вели не учителя, а профессиональные партработники¹². В немалой степени через школу внедрялся в общество ритуал празднования годовщин Октябрьской революции. В программу праздника включались доклады старшеклассников о революции, Ленине, социалистическом строительстве в Ка-

релии, организовывался концерт с участием чтецов и хора. Школьный драматический кружок готовил пьесу, редколлегия выпускала стенгазету. Здание школы празднично украшалось, на торжества приглашались родители¹³. Торжественно отмечался в школах День Парижской Коммуны. В 1926 г. школьники Петрозаводска участвовали в сборе денег в пользу детей бастовавших английских горняков. Школьники писали многочисленные плакаты для политических кампаний. Детей привлекали к участию в государственных заимках. Так, Сорокская школа в 1926 г. подписалась на 12 руб. 50 коп.¹⁴ В школах проводились беседы, направленные против христианского учения, религиозных обрядов и праздников, невзирая на то, что большинство детей росло в семьях верующих.

В 1920-е гг. возобновились дискуссии о языке обучения карел. В резолюции по докладу Отдела народного образования делегаты I Всекарельского съезда Советов записали, «что возрождение карельской грамоты является ненужным и невыполнимым делом». В конце 1920-х гг. секретарь Карельского обкома ВКП(б) Г. Ровио невозможность создания карельского литературного языка обосновывал диалектной раздробленностью, исторической и языковой близостью к финскому языку, отсутствием материальных средств, научных трудов¹⁵. Эти аргументы, скорее, говорили о трудностях, с которыми пришлось бы столкнуться при создании карельской письменности, нежели о невозможности письменность создать. Из восемнадцати языков финно-угорской семьи только три (финский, венгерский и эстонский) имели письменность до Октябрьской революции. Вряд ли работа по созданию эрзя-мордовской, мокша-мордовской, лугово-марийской, горно-марийской, удмуртской, коми-зырянской, коми-пермяцкой, мансийской, хантыйской письменностей была беспроблемной, тем не менее, она велась в послереволюционное время¹⁶. Важную роль в определении языковой политики сыграла позиция финских политэмигрантов, стоявших у руля власти в Карелии. Они решительно настаивали на обучении карел финскому языку.

Одной из самых первых финских школ стала финская девятилетка в Петрозаводске. Более 48% ее учащихся составляли карелы, посланные на учебу из Петрозаводского и Олонецкого уездов. Для них при школе был создан интернат. Учиться в девятилетке многим карельским детям первое время было сложно из-за недостаточной подготовки в сельской школе, а также из-за слабости здоровья. Заведующий финской девятилеткой В. В. Сало сетовал: «Карельский крестьянин посылает учиться только слабых и больных детей»¹⁷. Около 47% учеников этой школы были финны, в основном из семей финских революционеров, прибывших в Советскую Россию после подавления революции 1918 г. Финская девятилетка была единственной школой в городе, где в 1920-е гг. подавляющее большинство детей являлись пионерами и комсомольцами.

В 1927 г. 45% школ республики уже работали на финском языке¹⁸. В Южной Карелии большинство детей учились на русском языке, хотя одновременно росло число школьников, обучавшихся на финском языке. В 1923 г. в Олонецком уезде только в одной школе (где было 37 учащихся) обучение велось на финском языке. В 1929 г. из 29 школ 1-й ступени в Олонецком районе в 12 школах преподавали на финском языке¹⁹. В 1929 г. руководство республики официально утвердило финский язык в качестве единственного письменного и литературного языка карельского населения.

Носителями традиций школы и проводниками новых веяний являлись учителя. Большинство их получили профессиональную подготовку и опыт педагогической деятельности до революции. В школах 1-й ступени четверть преподавателей, в школах 2-й ступени – 17% составляли выходцы из духовенства. Больше всего в школах 1-й ступени было выпускников епархиальных училищ. В школах 2-й ступени 52% учителей имели среднее, 42% – законченное и незаконченное высшее образование²⁰.

Советская власть закрыла учительскую и духовную семинарии, епархиальное училище и развернула подготовку учительства в педагогическом техникуме. Поступавшие туда, как правило, имели слабые знания. На финское отделение педтехникума принимали тех, кто прошел 1–2 отделения начальной школы. Учеба в техникуме не всегда позволяла существенно повысить уровень общего образования. Для властей на первом плане была общественно-политическая активность учительства²¹. Много времени студенты обязаны были отдавать общественной работе. Ежедневно учащиеся 4-го курса парами во всякую погоду пешком ходили в подшефную дер. Ужесельга – днем вели занятия в школе, а вечером с молодежью и взрослыми читали газеты, беседовали о текущей политике. Студенты – члены ОДН вели занятия по ликвидации неграмотности. Участники хора регулярно выступали перед делегатами многочисленных съездов и конференций в Петрозаводске. В 1926 г. учащиеся техникума принимали активное участие в проведении переписи населения²². Считалось, что таким образом учащиеся приобретают «некоторую закалку для работы на том суровом поприще, к которому они готовятся». Учебный план подготовки учителей ориентировался прежде всего на их политическое образование и включал такие предметы, как обществоведение, политэкономика, экономическая политика, истмат, история классовых борьбы, текущая политика. В учебный план финского отделения дополнительно входили кооперация, политпросветработа, военное дело, советская конституция²³. В характеристиках преподавателей, которые готови-

ли заведующие школ для руководства с грифом «секретно», обязательно фиксировалось: «В отношении к Советской власти благонадежен»²⁴.

Несмотря на трудности, в период нэпа школьная сеть в Карелии была восстановлена. Начальным образованием удалось охватить 82% городских детей в возрасте 8–11 лет. Была поставлена задача перехода ко всеобщему начальному образованию²⁵. В организации школьной жизни в 1920-е гг. важную роль играло стремление к демократизации, уважению личности ребенка, преодолению муштры, развитию коллективизма. Много было ошибок и «трудностей роста» на этом пути, связанных и с бедностью жизни, и с недостатком профессионализма. В то же время авторитаризм и сверхидеологизация старой школы не только не были изжиты, но стремительно укреплялись. На смену сословному характеру прежней системы образования пришли классовый принцип и большевистская проповедь социальной нетерпимости.

¹ Статистический обзор 1923–1924 г. Петрозаводск, 1925. С. 60–61. Афанасьева А. И. Великий Октябрь и становление советской культуры в Карелии. Петрозаводск, 1983. С. 93, 140.

² См. Балашов Е. М. Школа в российском обществе 1917–1927 гг.: Становление «нового человека». СПб, 2003. С. 14.

³ Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК). Ф. 630. Оп. 1. Д. 10/97. Л. 31–32.

⁴ Там же. Ф. 298. Оп. 1. Д. 33/454. Л. 129, 161.

⁵ Там же. Ф. 630. Оп. 1. Д. 10/98. Л. 21.

⁶ Там же. Ф. 581. Оп. 1. Д. 4/10. Л. 2.

⁷ Кучепатов Н. Г. Сорок лет (Краткий очерк народного образования в Карельской АССР) // Уч. зап. Карельского педагогического института. Т. 4. Петрозаводск, 1958. С. 46–82.

⁸ НА РК. Ф. 581. Оп. 1. Д. 10/27. Л. 50.

⁹ Хорош Л. Ю. Человек в педагогике. Петрозаводск, 2000. С. 31–34.

¹⁰ Коммуна. 1921. 27 марта.

¹¹ НА РК. Ф. 630. Оп. 1. Д. 48/439. Т. 1. Л. 379; Д. 340. Л. 152.

¹² Нюнько Л. М. Из истории школьного строительства в Карелии в первые годы советской власти // Уч. зап. Петрозаводского государственного университета. Т. 6, вып. 1. Исторические и филологические науки. Петрозаводск, 1957. С. 46.

¹³ НА РК. Ф. 581. Д. 5/12. Л. 13–14.

¹⁴ Там же. Ф. 630. Оп. 1. Д. 340. Л. 273–278.

¹⁵ Ровио Г. Проблемы языка в национальной политике АКССР // Карело-Мурманский край. 1931. № 1–2. С. 16–22.

¹⁶ Керг Г. М. Д. В. Бубрих – основатель отечественного финно-угроведения // Д. В. Бубрих: К 100-летию со дня рождения. СПб, 1992. С. 5–6.

¹⁷ НА РК. Ф. 581. Оп. 1. Д. 10/27. Л. 172.

¹⁸ КГАНИ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 177. Л. 3, 5.

¹⁹ Отчет Карельского областного исполнительного комитета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов IV Всекарельскому съезду Советов. Петрозаводск, 1923. С. 66–67. Ежегодник АКССР. Вып. 4. 1929. Петрозаводск, 1931. С. 41.

²⁰ НА РК. Ф. 630. Оп. 1. Д. 31/259. Л. 72, 81.

²¹ Илюха О. П. Формирование новой школьной этики (на материалах Карелии 1920–1930-х гг.) // Россия в XX веке: Сб. ст. к 70-летию со дня рождения чл.-корр. РАН, проф. В. А. Шишкина. СПб, 2005. С. 170; Она же. Социальный облик школьного учителя советской Карелии (1920–1930-е гг.) // Карелия и Финляндия на пороге нового тысячелетия: Тез. докл. междунар. симпозиума историков 21–23 мая 1999 г. Петрозаводск, 1999. С. 82.

²² В помощь просвещенцу. 1928. № 1–2. С. 22–29.

²³ НА РК. Ф. 630. Оп. 1. Д. 40/337. Л. 143–145.

²⁴ Там же. Ф. 579. Оп. 1. Д. 5/84. Л. 27–28.

²⁵ Там же. Ф. 630. Оп. 1. Д. 40/338. Л. 82.

© *Е. С. Сенявская*
Москва

Влияние войн XX в. на формирование образа Финляндии и финнов в России*

Взаимовосприятие двух стран и народов зависит от множества факторов, имеющих определенную соподчиненность. Условно это явление можно отразить в виде упрощенной схемы: субъект, объект, обстоятельства восприятия, смысловое наполнение формируемого образа. Субъектами восприятия могут быть государственные структуры, формирующие политику в отношении другого государства; определенные социальные категории населения и, наконец, конкретные граждане страны. Объект восприятия также может быть целостным (страна и народ в целом) и дифференцированным – государство, народ, его история, культура и т. д. Образ другой страны никогда не бывает статичным. Его формирование всегда происходит исторически, подвергается изменениям и коррективам вместе с изменением условий взаимоотношений стран и народов, исторического опыта, смены поколений и т. д. На конкретные субъекты восприятия в большей или меньшей степени влияют различные источники информации, каналы и инструменты воздействия: официальные и пропагандистские материалы, пресса и другие СМИ, произведения искусства и культуры и т. д. Существенным в восприятии народов являются такие факторы, как их величина и историческая значимость, соседство или отдаленность, интенсивность или слабость контактов, их характер (враждебность, нейтральность или дружественность), виды и направленность взаимодействий (экономические, политические, культурные) и т. д.

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 05-01-01086а).

Финляндия – маленькая соседняя России страна, и финны занимают весьма скромное место в русском историческом сознании. Это не немцы, французы, турки или даже англичане: все эти народы и страны были *самостоятельными субъектами истории*, в том числе много воевали против России, даже угрожали ее существованию и немало повлияли на ее политику, экономику, культуру. Поэтому о них у *всех* русских есть какое-либо представление (достаточно подробное) и мнение (плохое или хорошее). О Финляндии в России большинство людей мало что знает и думает (кроме жителей пограничных с ней регионов). Причина проста: Финляндия была *объектом* – предметом дележа великих держав – Швеции и России. Сначала она была отвоевана Россией у Швеции, причем самим финнам, во-первых, была дарована автономия с правами, которых больше в Российской Империи ни у кого не было (русские об этом могли только мечтать); во-вторых, к Великому княжеству Финляндскому была присоединена – в качестве *подарка* от Александра I – Выборгская губерния. После Октябрьской революции 1917 г. Финляндия советской Россией была *дарована* независимость. А в «благодарность» Финляндия стала претендовать на земли, которые ей никогда по праву не принадлежали. И когда в 1920-е гг. этим (в том числе вооруженным) притязаниям был дан отпор, готова была заключить союз против России то с Англией и Францией, то с фашистской Германией лишь бы реализовать свои аннексионистские планы. Так что и так называемые (финнами) «Зимнюю войну» и «Войну Продолжение» нужно видеть именно в этом контексте, как и послевоенное их отражение в искусстве и в массовом сознании.

Естественно, при всей периферийности и малозначимости Финляндии в российской жизни, войны с ее участием не могли не отразиться на восприятии у нас соседней страны и ее народа, причем далеко не лучшим образом, так что даже интенсивная советская пропаганда, внедрявшая в массовое сознание образ «дружественной Финляндии», не могла стереть из национальной исторической памяти тот факт, что финны были союзниками Гитлера во Второй мировой войне, оккупировали часть приграничной территории и стали пособниками фашистов в одном из самых трагических для советского народа эпизодов войны – блокаде Ленинграда, то есть Финляндия непосредственно виновна в гибели сотен тысяч наших соотечественников, в том числе мирных жителей Карелии и Ленинграда.

Образ восприятия другой страны может быть подразделен на синхронный и ретроспективный, а типологически – на официально-пропагандистский, служебно-аналитический, художественно-обобщенный, лично-бытовой и др. Последний из перечисленных типов образа особенно тесно связан с массовым историческим сознанием. При этом очевидно, что основную информацию о Финляндии простой советский (а позднее российский) человек получал главным образом из учебников,

прессе, телевидения, произведений искусства. И лишь очень незначительная часть людей, живших преимущественно в приграничных районах, была причастна к источникам непосредственной исторической памяти (современники, участники событий и общавшиеся с ними люди).

Пропаганда и средства массовой информации играют весьма существенную роль в формировании исторической памяти. В СССР в учебной литературе и в СМИ эпизоды военного противостояния с Финляндией занимали крайне незначительное место, а то и вовсе замалчивались в угоду политической конъюнктуре, а именно, официально дружественному отношению двух стран. Поэтому для обывденного сознания людей основным источником более адекватной информации по этому вопросу оставались воспоминания непосредственных участников и свидетелей событий – субъектов индивидуальной и коллективной исторической памяти. К ним относились ветераны боевых действий в период Зимней войны и на Карельском фронте, а также жители приграничных территорий, подвергшихся финской оккупации. Именно от них до массового сознания доходили сведения об особой жестокости финнов по отношению к пленным и к гражданскому русскому населению оккупированных областей, об их оккупационной политике, носившей характер геноцида.

В период «перестройки» в контексте разоблачения «преступлений сталинского режима» впервые в фокусе внимания историков и публицистов оказалась и «незнаменитая» Советско-Финляндская война 1939–40 гг., при этом основной акцент в ее освещении был сделан на негативных для советской стороны аспектах этого события (якобы немотивированная агрессия великой державы против маленького соседа; неудачное ведение боевых действий и неоправданно высокие потери советской стороны; репрессии против вернувшихся из финского плена красноармейцев и т. д.).

Лишь в последние годы акценты в изучении и освещении этого события смещаются в сторону более объективных оценок, проникновения в сущность явления, а не сосредоточение на внешних его сторонах. Между тем, анализируя геополитическую ситуацию в контексте уже начавшейся Второй мировой войны, враждебных настроений элиты и политики правящих кругов Финляндии, можно прийти к выводу, что в конце 1939 г. у СССР объективно не было иных возможностей, кроме как силовым способом решить проблему обеспечения безопасности своих границ, проходивших в непосредственной близости от Ленинграда – крупнейшего индустриального, военно-морского, политического, культурного и т. д. центра. Великая Отечествен-

ная война со всей очевидностью показала принципиальную верность этого решения, хотя и реализованного формально некорректно с точки зрения международного права и недостаточно эффективно в военном отношении. Однако поправка норм международного права в тот период стало «фактической нормой», реальной практикой межгосударственных отношений, пример чему показали «западные демократии» Мюнхенским сговором. А допущенные СССР в ходе «малой войны» военные ошибки были проанализированы и частично учтены в последовавшей вскоре «большой войне».

Аналогично и освещение участия Финляндии в войне против СССР на стороне фашистской Германии также подвергается коррективам. Замалчивавшиеся ранее и «неудобные» для финской стороны темы преступлений гитлеровского союзника все больше становятся достоянием как научного сообщества, так и общественности. Среди них – не только крайняя жестокость и бесчеловечность обращения с советскими военнопленными, но и общая политика финского оккупационного режима на занятых советских территориях с откровенно расистскими установками в отношении русского населения и ориентация на его истребление. Сегодня опубликовано немало материалов с документальными свидетельствами жертв финских оккупантов, в том числе малолетних узников концентрационных лагерей¹. Однако в отличие от правительства современной Германии официальная позиция финской стороны состоит в том, чтобы не признавать эти действия своей армии и оккупационной администрации в качестве преступлений против человечности. Более того, эта позиция заключается в отрицании самого факта, что Финляндия во Второй мировой войне являлась союзницей фашистской Германии. Она якобы являлась всего лишь «военной соратницей». Однако подобная словесная эквилибристика может обмануть лишь тех, кто сам желает обмануться: совместный характер целей и действий, согласованность планов двух «соратников», в том числе по послевоенному разделу СССР, широко известны. Вместе с тем не только финские политики, но и ряд историков придерживаются этой скользкой позиции². Даже в период официальной «крепкой советско-финляндской дружбы» в финской литературе и искусстве проскальзывали откровенные антирусские настроения, а также сожаления о том, что экспансионистские планы по созданию Великой Финляндии провалились.

Подводя итоги краткого анализа, можно отметить, что войны между двумя странами в XX в. оказали определенное влияние на изменение образа соседней страны в российском сознании. Во-первых,

она заняла в нем несколько большее место, нежели ранее, причем нейтральное и в целом безразличное отношение сменилось более негативными и настороженными оценками. Во-вторых, динамика восприятия от синхронного (в период войн) к ретроспективному зависела не только от направленности и активности пропаганды в советский период, но и от расширения гласности, которая раскрыла весь спектр двусторонних взаимоотношений военного и послевоенного времени, – не только определенные просчеты сталинской политики в советско-финляндских отношениях, но и экспансионистские устремления финской элиты на Восток, и преступления финской военщины в годы Второй мировой войны, и тенденции самооправдания в послевоенном финском обществе, все более нарастающие после распада СССР и питающие реваншистские настроения финских радикалов.

¹ Сулимин С. и др. Чудовищные злодеяния финско-фашистских захватчиков на территории Карело-Финской ССР. Л., 1945; По обе стороны Карельского фронта. 1941–1944: Документы и материалы. Петрозаводск, 1995; Шадрова Л. В. Горечь детства, горечь смерти. Книга памяти. Война, плен, концлагеря. Карелия 1941–1944 гг. Подпорожье, 1998; Костин И. А. Воспоминания о жизни в оккупированном Заонежье // Карелия в Великой Отечественной войне. 1941–1945. Петрозаводск, 2001. С. 47–56; Лайне А. Гражданское население восточной Карелии под финляндской оккупацией во Второй мировой войне // Карелия, Заполярье и Финляндия в годы Второй мировой войны. Петрозаводск, 1994. С. 41–43; Шляхтенкова Т. В., Веригин С. Г. Концлагеря в системе оккупационной политики Финляндии в Карелии 1941–1944 гг. // Карелия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Петрозаводск, 2001. С. 37–46; Судьба: Сборник воспоминаний бывших малолетних узников фашистских концлагерей. Петрозаводск, 1999; Гушин Б. Колючая проволока нашего детства // Лицей. 2002. № 10. С. 14; Лукьянов В. Трагическое Заонежье: Документальная повесть. Петрозаводск, 2004; Юсупова Л. Н. Военное детство в памяти поколения, пережившего оккупацию в Карелии // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2003/2004. Новые научные направления. М., 2004. С. 345–351; Чумаков Г. В. Финские концентрационные лагеря для гражданского населения Петрозаводска в 1941–1944 гг. // Вопросы истории Европейского Севера (Народ и власть: проблемы взаимоотношений. 80-е гг. XVIII–XX вв.). Петрозаводск, 2005. С. 142–151; и др.

² См.: Вихавайнен Т. Пропаганда и контроль общественного мнения в Финляндии во время войны 1939–1944 годов: Доклад на 17 фин.-рос. симпозиуме историков. Институт П. Ренвалла, Хельсинкский университет. 25–26 мая 2001 г.; Он же. Пропаганда во время Войны Продолжения: Доклад на финл.-рос. семинаре «Война Продолжение 1941–44 гг. Взгляд по обе стороны фронта». Институт Финляндии в Санкт-Петербурге, 25 мая 2005 г.; и другие устные и письменные выступления этого автора, в том числе в качестве «эксперта по вопросам России» по поводу выступления Президента Финляндии Т. Халонен во Французском институте международных отношений 1 марта 2005 г. о роли Финляндии во Второй мировой войне и последовавшего за ним заявления МИД РФ от 3 марта 2005 г. (см.: <http://www.inosmi.ru/text/translation/217798.html>).

Советские и финские военнопленные 1939–1944 гг.

Плен – неизбежный спутник любой войны. Все государства, ведущие боевые действия, сталкиваются с проблемой захвата и содержания военнопленных. Не было исключением и советское государство. За время своего существования СССР дважды вел войны с Финляндией.

Несмотря на то что после окончания Зимней войны и Войны Продолжения прошло свыше 60 лет, мы до сих пор не знаем точного количества пленных. Официальные данные очень противоречивы. Государственные органы СССР заявляют о том, что в Зимнюю войну в плен попали от 858 до 1100 финнов, из которых 20 человек отказались возвращаться в Финляндию после заключения мирного договора. На основании обнаруженных нами в российских и финских архивах документов, можно заключить, что в лагерях и госпиталях СССР в 1939–1940 гг. находились 883 финских военнопленных. Количество советских пленных в Финляндии – от 5 546 до 6 116 человек. Официальные статистические данные о пленных периода Войны Продолжения еще более противоречивы. Цифры количества финских пленных колеблются от 2377 до 3402 человек, а советских – от 64 188 до 72 000 человек. Говоря о финнах, наиболее достоверной цифрой, которую мы получили при составлении базы данных финских военнопленных, являются 3 114 человек¹. Точных данных о количестве советских пленных в российской историографии нет. Более того, российские историки не разрабатывали эту тему в своих работах, а лишь использовали ссылки на финские источники.

Несколько слов о правовой стороне вопроса. Накануне и во время Зимней войны и Войны Продолжения действовали Гагская конвенция 1907 г.; Женевская конвенция об обращении с военнопленными 1929 г.; Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях 1929 г.

Однако в полном объеме все статьи этих конвенций оба государства не могли реализовать по объективным причинам. Впрочем, ни одна страна, вступившая в войну, никогда не может и не соблюдает все положения международных правовых документов. Каким бы демократическим государством она не являлась, война накладывает определенный отпечаток на внутреннюю жизнь общества, ограничивая многие демократические принципы.

Ни Финляндия, ни СССР не ратифицировали Женевскую конвенцию 1929 г. «Об обращении с военнопленными», мотивируя невозможностью точного выполнения некоторых статей и положений Конвенции и ее расхождением с

внутренним законодательством. Однако при этом обе страны заявили, что в случае возникновения проблемы будут ее решать в духе этого международного акта. Но обе страны подписали другой важный документ – Женевскую конвенцию 1929 г. «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях», то есть *de-facto* СССР и Финляндия брали на себя обязательство гарантировать права пленных, признанные мировым сообществом.

В СССР вопрос ратификации данных конвенций был связан с особенностями законодательства, в котором имелись статьи, предусматривающие наказание за сдачу в плен советских граждан. Соответственно, признав права иностранных пленных, СССР вынужден был бы признать и права своих собственных солдат и командиров, попавших в плен к неприятелю, что, по мнению руководства страны, было недопустимо и идеологически вредно. Впрочем, существовали «смягчающие вину обстоятельства» – ранение или болезнь могли освободить советских военнопленных от уголовного преследования. Поэтому СССР в соответствии со своим внутренним законодательством закрепил равные права за своими и иностранными больными и ранеными пленными.

Финляндия в основном ограничилась небольшими, но очень конкретными инструкциями и комментариями международных документов. Например, такой, как «Инструкция по внутреннему распорядку в сборном лагере для военнопленных № 1», подписанная подполковником Б. Бьёрклундом, в которой регулировались вопросы медицинского обслуживания, работы пленных, их питания, обеспечения их прав и обязанностей².

Таким образом, Советский Союз и Финляндия брали на себя обязательство гарантировать права пленных, признанные мировым сообществом. И это были добровольно принятые решения обоих государств, поскольку в то время не существовала эффективная система международных санкций, применявшихся в случае несоблюдения правил в обращении с военнопленными.

Для решения проблемы пленных в СССР было создано Управление по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР (УПВИ НКВД). Образованное во время Польской кампании 1939 г., это учреждение к началу советско-финляндских войн имело свои подразделения во многих регионах СССР. Опыт УПВИ НКВД СССР, полученный в результате работы с поляками, применялся во время Зимней войны и Войны Продолжения. На поляках был впервые опробован метод деления военнопленных на разные группы и создание отдельных лагерей для содержания пленных в соответствии с их воинским званием. УПВИ являлось главной организацией, от которой зависели судьбы миллионов людей, учреждением, ответственным за содержание всех пленных, захваченных Красной

Армией и находящихся как на территории Советского Союза, так и за его пределами. Более того, УПВИ отвечало и за фильтрационные проверки граждан СССР – бывших пленных, вышедших из окружения бойцов и командиров РККА, а также гражданских лиц, репатрируемых на родину.

На основании архивных документов можно сделать следующий вывод: ни Финляндия, ни СССР не были полностью готовы к приему на своей территории военнопленных как в Зимнюю войну, так и в Войну Продолжения. Создание и обустройство многих лагерей не было завершено до поступления пленных из действующих армий. Военнопленные размещались в плохо приспособленных для жилья помещениях, наспех переоборудованных для новой цели. Однако, несмотря на недостатки, во время Зимней войны в приемных пунктах и лагерях были созданы хотя и не совсем хорошие, но более или менее приемлемые санитарно-бытовые условия. И не случайно в лагерях не было эпидемических заболеваний. Кардинально противоположной была ситуация с размещением пленных в начале Войны Продолжения. Отсутствие элементарных санитарно-бытовых условий в совокупности с тяжелым трудом, недостаточным питанием и плохим медицинским обслуживанием привело к высокому проценту заболеваемости и смертности среди пленных.

Во время войны 1941–1944 гг. значительно выросла численность заболевших и умерших. Но в целом раненым и больным оказывалась по возможности медицинская помощь, и их с передовой отправляли в военные госпитали. Недостатки в медицинском обслуживании пленных во время обеих войн были связаны с отсутствием у части медперсонала необходимой квалификации, нехваткой во время Войны Продолжения медикаментов и перевязочных средств. Постоянно увеличивающийся приток пленных существенно усложнил задачи, стоявшие перед медицинскими службами лагерей. Поступавшие пленные нередко находились в ослабленном состоянии. В лагерях катастрофическим образом не хватало витаминных препаратов, никотиновой кислоты и дрожжей для лечения пеллагры, которая была настоящим бичом и в СССР, и в Финляндии. Нередко не хватало вакцин против дифтерии и дизентерии³.

Имевшие место недостатки в медицинском обслуживании военнопленных во время Войны Продолжения учитывались руководством органов, ответственных за здоровье пленных. В меру своих возможностей они старались исправить сложившуюся ситуацию. Таким образом, нельзя сказать, что нарушения, имевшие место в медицинском обслуживании военнопленных, являлись целенаправленной политикой геноцида в отношении финских и советских пленных.

Анализ архивных документов показал, что самой острой проблемой было плохое продовольственное обеспечение. Особенно тяжелое положение сложилось в советских и финских лагерях в конце 1941 – начале 1943 г., когда пленным выдавали продукты ниже норм, предусмотренных международными правилами. Хотя калорийность рациона питания финских и немецких военнопленных в СССР превышала калорийность питания советских пленных в Финляндии и Германии, но все же была недостаточной. Кроме того, в отличие от советских пленных в Финляндии, финны в Советском Союзе не имели возможности работать в крестьянских хозяйствах, то есть хоть как-то увеличить свой рацион питания.

Наиболее тяжелыми для пленных периодами, сопряженными с большим количеством смертей, были 1942 г. и осень 1944 г. В 1942 г. увеличение смертности финских и советских пленных связано с ухудшением продовольственного положения в СССР и Финляндии и вызванного этим уменьшением пайков. Осень 1944 г. была особенно тяжела для финнов. Перед репатриацией их собрали в Череповецком лагере № 158. Но перед подчинение ведомств, снабжавших лагерь лекарствами, создало критическую ситуацию с вакцинами и сыворотками против дизентерии и дифтерии. Учитывая, что финны были ослаблены недоеданием, становится ясно, почему процент заболевших и умерших среди них значительно вырос. В СССР во время Войны Продолжения скончались 997 финнов, то есть смертность финских пленных составляла 32% с учетом расстрелянных в момент пленения, в Финляндии – 18 700, то есть 29%. В Германии, для сравнения, умерли в плену 57% советских солдат⁴.

Конечно, одной из главных причин отмеченных недостатков являлся острый дефицит продовольственных, материальных и финансовых ресурсов, подорванных Второй мировой войной. Поэтому, констатируя плохое обеспечение пленных, подчеркнем, что трудности продовольственного снабжения испытывали не только они, но и мирное население.

Труд военнопленных в Зимнюю войну из-за ее скоротечности широкого распространения не получил. Пленные вообще не работали и использовались прежде всего для поддержания нормальных санитарно-бытовых условий в лагерях.

Во время Войны Продолжения труд пленных принимал все больший размах. Финны и русские привлекались к работам на лесо- и торфозаготовках, в угольной промышленности, трудились в сельском хозяйстве, на строительстве дорог и жилых помещений. Труд стал одной из причин заболеваемости и смертности пленных в СССР и Финляндии. Завышенные производственные нормы и недостаток питания приводил к ухудшению физического состояния военнопленных.

Незначительное количество финских пленных во время Войны Продолжения не могло оказать существенного влияния на экономику Советского Союза. Не могли они и кардинальным образом изменить положение в той или иной отрасли народного хозяйства. Поэтому решения Тегеранской, Ялтинской и Потсдамских конференций о «репарациях трудом» затронули финнов, в отличие от немцев, в меньшей степени. Финляндия не была оккупирована советскими войсками, а большинство финнов уже репатриировали на родину после окончания войны. Оставшиеся же в силу своего плохого физического состояния не могли использоваться на работах по восстановлению экономики СССР.

Ни одна война не может длиться вечно и рано или поздно обе стороны должны заниматься репатриацией пленных на родину. Обе страны незамедлительно после окончания Зимней войны и Войны Продолжения предприняли активные усилия по скорейшему обмену военнопленными. Репатриация подавляющей части советских и финских пленных была осуществлена в довольно короткие сроки. Большинство из них вернулись домой уже в конце 1944 г.

Подводя самый общий итог, можно сделать вывод о том, что в действиях советских и финских органов, решающих вопросы содержания пленных, были ошибки. Допускались отклонения от норм международного права. К наиболее серьезным относятся: во-первых, военнопленные были лишены возможности переписки со своими родственниками; во-вторых, СССР и Финляндия в нарушение международных норм права и своего собственного законодательства не предоставляли списки пленных, содержащихся на их территории; в-третьих, имели место расстрелы военнопленных на этапе транспортировки к местам сбора и после получения от них необходимой информации. В случае Войны Продолжения последнее более характерно для партизанских отрядов на этапе позиционной войны (Asema Sota 1942–1944 гг.). Причем приказы о расстрелах давались на достаточно высоком уровне – на уровне Штаба партизанского движения Карельского фронта⁵.

Однако Вторая мировая война была отнюдь не малым локальным конфликтом, при котором в ходе вялого ведения боевых действий можно было, да и то с трудом, выполнить все и в полном объеме правила и требования Женевской конвенции. Перечисленные мной нарушения международного права допускали все страны во время войны. Ни СССР, ни Финляндия, ни Германия, ни США не были исключением. Ни одна страна не могла предоставить пленным переписку в том объеме, в котором требовали статьи Женевской конвенции. Обмен списками пленных носил пропагандистский характер и давал возможность давления на общественное мнение, обвиняя противника в несоблюдении норм международного пра-

ва. Расстрелы пленных были «обыденным явлением» во время войны. Все воюющие страны сталкивались с этим.

В заключение отметим ряд особенностей, присущих только финским пленным периода Войны Продолжения. Хотя финны не выделялись в привилегированную группу по национальному признаку, они не подвергались таким притеснениям, как это было в отношении немцев.

Во-первых, в СССР не было написано ни одного произведения, которое бы призывало население убивать финнов, как это было в статье И. Эренбурга «Убей!»⁶. Во-вторых, в отличие от немецких пленных, финнам не приходилось строить лагеря в открытом поле при полном отсутствии инфраструктуры⁷. В-третьих, финских пленных эвакуировали в Россию, а не расстреливали, как немцев при выводе советских войск из Эстонии в 1941 г. или как советских заключенных при отступлении из Украины и Белоруссии. Это связано с тем, что финнов было мало и они представляли ценность. Напомню, в советском плену находилось около 2,5 млн. немцев. Финны занимали 11-е место по количеству попавших в плен (около 3 тысяч).

И последнее, самое главное, характерное только для финских пленных, отличие. Финны содержались в лагерях УПВИ относительно короткое время, большая их часть вернулась домой уже в ноябре – декабре 1944 г. (при том что основная масса попала в плен в период летнего наступления Красной Армии 1944 г.). Остальные пленные находились в СССР вплоть до 1955 г., то есть Финляндия была единственной страной, в отношении которой СССР полностью придерживался положений Женевской конвенции о скорейшей репатриации пленных после окончания боевых действий.

В завершение отметим, что обе страны старались и многое сделали для того, чтобы не усугублять чрезвычайно трудное положение, в которое попали пленные в ходе невиданной по жестокости, злу и насилию Второй мировой войны. О целенаправленной политике геноцида в отношении финских и советских военнопленных говорить нельзя.

¹ Цифра военнослужащих финской армии, попавших в советский плен, остается спорной. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 1е. Оп. 3. Д. 12. Л. 6; Alava T., Hiltunen R., Juutilainen A. Muistatko... Sotavangit r. y. 1969–1989, Jyväskylä, 1989. S. 23 – 825 военнопленных; Дюпуи Р. Э., Дюпуи Т. Н. Всемирная история войн. Кн. 4 (1925–1997). СПб; М., 1998. С. 109 – 847 пленных; Manninen O. Neuvostoliiton Suurhyökkäys // Yksin suurvaltaa vastassa. Talvisodan poliittinen historia. Toim. Vehvilainen O., Rzesewski O. Jyväskylä, 1997. С. 304 – 1100 финнов; Галицкий В. Финские военнопленные в лагерях НКВД (1939–1953). М., 1997. С. 36 – 876 военнопленных финской армии. Такое расхождение в цифрах можно, по-видимому, объяснить тем, что одни авторы учитывали количество всех финнов – и

военнопленных и интернированных, попавших в лагеря НКВД. Другие учитывали лишь пленных, возвращенных в Финляндию после Зимней войны. По этому вопросу см. также: Alava T., Frolov D., Nikkila R. Rukiver! Suomalaiset sotavangit Neuvostoliitossa. Helsinki, 2002. РГВА. Ф. 1е. Оп. 3. Д. 8. Л. 200; Manninen O. Sotavangit ja sotavankileirit // Jatkosodan historian. 6 osa. 1994. S. 282–283; Mikkola P. Sotavangin elämä ja kuolema. Jatkosodan neuvostosotavankien suuren kuolleisuuden syyt. Suomen ja Skandinavian historian pro gradu- tutkielma. Helsingin yliopiston historian laitos, 2000.

² Подробнее см.: Frolov D. Talvisodan 1939–1940 Neuvostoliittolaiset sotavangit // Sotahistoriallinen aikakauskirja, 19/2000.

³ Frolov D. Sotavankina Neuvostoliitossa. Suomalaiset NKVD:n leireissä talvi- ja jatkosodan aikana. SKS Bibliotheca historica 91, 2004. S. 195.

⁴ Ibid.

⁵ КГАНИ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 203. Л. 26.

⁶ Красная звезда. 1942. 24 июля.

⁷ Frolov D. Finnish Prisoners of war in Soviet Union. Specifics of custody // From war to peace. Experience of Captivity of the POWs in WWII 1944–55. Venäjän ja Itä-Euroopan Instituutti 2005; Карнер С. Архипелаг ГУПВИ. Плен и интернированные в Советском Союзе 1941–1956. М., 2002 (Karner S. Im Archipel GUPVI. Kriegsgefangenschaft in der Sowietunion 1941–1956. Wien; Munchen, 1995).

© А. И. Бутвило
Петрозаводск

Феномен национальной государственности: этнополитический и историко-правовой контекст

В последние годы история национально-государственного строительства в Карелии оказалась в центре внимания исследователей. Сложились и достаточно четко оформились две основные концепции. Наиболее четко и лаконично они были сформулированы на состоявшейся в 2000 г. конференции, посвященной 80-летию государственности Карелии. Профессор М. И. Шумилов озвучил традиционную для советской историографии позицию: национально-государственное строительство в Карелии осуществлялось с целью «помочь безграмотному и забитому карельскому народу подняться с колен и встать в полный рост с сознанием своего достоинства и равенства среди других народов»¹. И при всех ошибках и непоследовательности этой политики главное направление движения оставалось правильным, отвечающим интересам населения Карелии.

Второй подход сформулировал Ю. М. Килин: «Политика Советского государства, осуществлявшаяся в пограничной Карелии с 1920 г. до начала Великой Отечественной войны, была в основном обусловлена военно-

стратегическими и внешнеполитическими императивами, а ее специфика в конкретные периоды определялась характером отношений с Финляндией и целями финансовой политики руководства РСФСР – СССР. Наиболее очевидно это проявилось в отношении центра к проблеме создания карельской государственности и изменения ее статуса»².

Обе позиции имеют своих сторонников. Дискуссия идет достаточно активно и жестко. Позитивным ее результатом является введение в научный оборот большого числа новых источников, преимущественно из центральных архивов. К числу негативных аспектов следует отнести попытки отдельных исследователей перевести сугубо научную проблему в политический дискурс.

Не пытаясь выступить арбитром в этом споре, хотел бы обратить внимание на некоторые аспекты проблемы, игнорируемые либо недооцениваемые «противоборствующими» сторонами. Речь идет об историко-правовом и методологическом аспектах.

Историко-правовой аспект состоит в том, что участники дискуссии практически не интересуются тем, насколько реальный процесс национально-государственного строительства соответствовал действовавшему на тот момент законодательству, насколько правовое поле, формируемое этим законодательством, позволяло легитимно решать ставившиеся политические задачи.

Подробный анализ этой проблемы предполагается в рамках другого исследования. Сейчас же можно отметить, что правовая база национально-государственного строительства в СССР практически отсутствовала, если не считать нескольких конституционных норм, предельно общих по определению. Законодателя вопрос о правовом механизме изменения статуса субъектов союзного государства не интересовал вплоть до поздней перестройки, когда появился закон, регулировавший порядок выхода союзных республик из СССР. Все проблемы решались сугубо политически, а принимавшиеся правовые акты носили преимущественно декларативный характер. Все те немногие правовые нормы, которые имели отношение к национально-государственному строительству, воспринимались как несущественная формальность.

Этот момент следует иметь в виду при дальнейшем изучении проблемы, четко классифицируя действия властей на легитимные, незаконные и внеправовые.

Методологическая ущербность идущей дискуссии заключается в том, что обе стороны совершают одну и ту же ошибку. Активно используя источники для обоснования своих позиций, они в наиболее принципиальных вопросах строят свои концепции не столько на знании, сколько на вере. Одни верят в то, что говорил И. В. Сталин, что содержалось в официальных документах, другие всему этому столь же абсолютно не доверяют. А дискуссии о вере неплодотворны по определению.

Но как же тогда решать проблему выяснения целей национальной политики того же И. В. Сталина? Понятно, что не все цели обнародовались и что полученные результаты не всегда соответствовали ставившимся целям.

Представляется, что политику И. В. Сталина в вопросах национально-государственного строительства следует рассматривать в общем контексте большевистской теории и практики. Ведь никто и никогда не говорил об эксклюзивном характере политики в отношении Карелии, ее выпадении из упомянутого выше контекста. И если мы действительно хотим понять цели И. В. Сталина, то должны обратиться к общему анализу его политики, а не к рассуждениям Э. Фромма о его «несексуальном садизме», как это делает профессор Т. Вихавайнен³.

Тот же Т. Вихавайнен вполне справедливо отмечает важное значение работы И. В. Сталина «Марксизм и национальный вопрос», в которой дается определение понятия «нация», делается выбор в пользу национально-территориальной, а не национально-культурной автономии⁴. Но он все же недооценивает важности статьи для понимания И. В. Сталина и его политики. Недооценивает именно потому, что всю эту политику рассматривает как детерминированную прежде всего сиюминутными, сугубо прагматическими соображениями.

На деле же именно тогда, в 1913 г., были сформулированы все основные постулаты национальной политики большевиков, реализованные ими после прихода к власти. О чем же писал тогда И. В. Сталин? Нация имеет право свободно определить свою судьбу: устроиться автономно или определиться. Выбор между автономией, федерацией и сепаратизмом должен делаться исходя из конкретно-исторических условий, взятых в их развитии. При таком выборе абсолютно исключен предлагаемый австрийскими социал-демократами вариант культурно-национальной автономии как противоречащий задаче классовой борьбы. Единственно верное решение – национально-территориальная автономия, ломающая национальные перегородки и открывающая дорогу к размежеванию по классовому принципу. И уже в рамках национально-территориальной автономии можно говорить о возможности пользования родным языком, национальной школе и т. п.⁵

О необходимости самого серьезного внимания к сталинским воззрениям говорит хотя бы то обстоятельство, что модель национально-территориальной автономии, предпочтенная большевиками именно потому, что в наибольшей степени способствовала задачам классовой борьбы, а не решению национальных проблем, была осуществлена на практике и продолжает существовать сегодня. Стоит ли удивляться, что она не позволяет решать национальный во-

прос, поскольку не для того создавалась? Это уже привело к распаду СССР. Но должных выводов пока не сделано.

Следует говорить именно о сталинизме как наиболее зрелой и логически совершенной форме большевизма. Ленинизм такой формой стать не успел, так как В. И. Ленину был отпущен слишком короткий срок – чуть более года, если отбросить экстраординарные обстоятельства первых месяцев советской власти и годы гражданской войны. После же И. В. Сталина происходила медленная, но методичная и последовательная деградация большевизма, вполне логично завершившаяся его полным крахом.

Какие же черты большевизма наиболее важны в контексте интересующей нас проблемы? Во-первых, очевидное стремление действовать в общем русле марксистской теории, пусть все более догматизируемой и сакрализирующейся. Для зрелого большевизма, который мы договорились отождествлять со сталинизмом, теория не стала еще ритуальной формальностью, некоей привычной марксистской фразой, как это будет во времена Н. С. Хрущева и Л. И. Брежнева, знавших марксизм существенно хуже И. В. Сталина. Для последнего было весьма важно, чтобы конкретная, прагматическая политика получала теоретическое обоснование, лежала в общем русле сталинской трактовки марксизма. Насколько глубоким было такое обоснование, в нашем случае вопрос вторичный. Здесь важнее осознание необходимости такового.

Во-вторых, большевизм как метод предполагает использование любых средств в достижении поставленных целей. Если цель, в понимании большевиков, определена правильно, то в борьбе за ее достижение не только можно, но и нужно применять все возможные способы. И уж во всяком случае не должны учитываться такие буржуазные предрассудки, как гуманизм, права человека и т. п. Готовность ради идеи жертвовать своими и чужими жизнями – одно из таких средств. Любой, кто внимательно читал В. И. Ленина и И. В. Сталина и изучал их практическую деятельность, не может с этим не согласиться.

В-третьих, крайне важно постоянно помнить об этатизме И. В. Сталина, за который его критиковали и В. М. Молотов, и В. И. Ленин⁶. Восприятие государства как основной ценности и главного орудия решения всех возникавших проблем всегда было органично присуще И. В. Сталину. Отсюда проистекает бюрократический характер многих его действий. Кстати говоря, именно в вопросе о роли государства после социалистической революции сталинизм наиболее глубоко и принципиально разошелся с классическим марксизмом.

В-четвертых, нельзя не отметить, что цели политики эпохи сталинизма имели сложную иерархическую структуру. И когда они начинали противоречить друг другу, власти без колебаний отдавали приоритет наиболее принципиальным для них задачам. Так, национальная политика имела вторичный ха-

рактер по отношению к основной задаче – мировой революции, ведущей к торжеству социализма во всем мире. Задачу эту в 1929 г. никто не отменял. Ее реализацию лишь отложили на неопределенное время, но при этом никогда не забывали и все события в мире анализировали в том числе сквозь призму перспектив мировой революции. Профессор М. И. Шумилов не прав, когда говорит о том, что в Кремле и сами не верили в такую перспективу⁷. Достаточно обратиться к частным записям В. М. Молотова, сделанным в период отставки, не предназначенным для публикации и потому вполне заслуживающим доверия⁸. И если цели мировой революции приходили в противоречие с задачами национальной политики в той же Карелии, то последняя тут же безжалостно корректировалась и менее всего при этом опасались обвинений в непоследовательности и нелогичности.

Только с учетом названных особенностей сталинизма можно серьезно анализировать национальную политику И. В. Сталина, в том числе в карельском вопросе. Не впадая в идеализацию этой политики, не интерпретируя ее по принципу «все действительно разумно», но и не упрощая, не примитивизируя И. В. Сталина, не сводя его действия к психическим патологиям или вульгарной уголовщине, мы сможем продвинуться к пониманию драматической истории нашей страны.

¹ Шумилов М. И. Исторический выбор карелов в 1917–1920 гг. // Республика Карелия: 80 лет в составе Российской Федерации (становление и развитие государственности). Петрозаводск, 2000. С. 13.

² Килин Ю. М. Карельская государственность в 1920–1941 гг. // Республика Карелия: 80 лет в составе Российской Федерации (становление и развитие государственности). Петрозаводск, 2000. С. 15.

³ Вихавайнен Т. Сталин и финны. СПб, 2000. С. 123.

⁴ Он же. Национальная политика ВКП(б) / КПСС в 1920-е–1950-е годы и судьбы карельской и финской национальностей // В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920–1950-е годы. Петрозаводск, 1998. С. 16.

⁵ Сталин И. В. Марксизм и национально-колониальный вопрос. М., 1935. С. 3–45.

⁶ См., например: Никонов В. А. Молотов: молодость. М., 2005. С. 586–587.

⁷ Шумилов М. И. Указ. соч. С. 13.

⁸ Никонов В. А. Указ. соч. С. 370–372.

© О. Ю. Савич
Петрозаводск

Культурная жизнь в Карелии. 1940–1944 гг.

В период господства лозунга о культуре «национальная по форме, социалистическая по содержанию» эволюция культур в национальных республиках Советского Союза, в том числе в Карело-Финской ССР шла в

русле патерналистской культурной политики. На материале КФССР нам предоставляется возможность определить, что представляли собой национальная форма культуры и ее социалистическое содержание, и раскрыть их взаимодействие в пределах данного региона.

Став союзной, республика обрела «самостоятельность» в решении вопросов культурной политики. Органы, обеспечивающие культурную деятельность в республике – Управление по делам искусств при СНК КФССР, Народный Комиссариат Просвещения, – перешли на республиканский бюджет и отчитывались перед республиканским правительством. СНК КФССР и ЦК КП(б) КФССР с доминирующей ролью ЦК являлись средним звеном в системе директив, исходящих от центрального аппарата. В структуре ЦК КП(б) КФССР вопросами культуры преимущественно занимались отдел пропаганды и агитации, отдел школ. В аппарате СНК КФССР действовала группа культуры.

Изменение государственно-правового статуса республики требовало решения новых задач в области культуры. Во-первых, была преобразована структура управления культурными учреждениями. Во-вторых, требовалось сформировать эффективную систему советских органов культуры в семи новых районах. В-третьих, необходимо было восполнить ущерб, причиненный культурным учреждениям республики в результате Советско-Финляндской войны.

Управление по делам искусств при СНК КФССР руководило всеми видами искусств в республике, за исключением кинематографии¹. В 1940 г. оно занималось организацией Государственного Финского драматического театра, театров в городах Виипури (Выборг), Сортавала, филиалов филармонии в городах Виипури и Кякисалми (Приозерск). Как только Выборг был включен в состав КФССР, этим воспользовались «концертные жучки». Карельский перешеек был наводнен «дикими бригадами», которые заключали неофициальные финансовые договоры с филармонией и ее филиалами, где и устраивали несанкционированные концерты и выступления².

В плане работы Комитета по делам искусств при СНК СССР на 1941 г. объяснялось, что «все искусство должно служить делу коммунизма, воспитывая в массах мобилизационную готовность ко всяким „случайностям“ со стороны наших врагов, воспитывая в массах патриотизм, волю, мужество, готовность оборонять свою социалистическую родину и крепить ее обороноспособность»³. Необходимо было подготовить общественное сознание к возможному вступлению во Вторую мировую войну.

Основу репертуара театров и музыкальных коллективов составляли национальные произведения, преобладали сюжеты народного эпоса «Калевала», темы гражданской войны в Карелии, борьбы с белофиннами⁴.

Стали выходить республиканские печатные издания на финском языке: ежедневная газета «Totuus», орган ЦК и Петрозаводского горкома КП(б), СНК и Верховного Совета КФССР, ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал «Punalippu», орган Союза советских писателей КФССР⁵. В декабре 1940 г. состоялся Первый съезд писателей республики⁶. Основной задачей стало воспитание «национальных» литераторов. Развитие литературы в республике шло на финском и русском языке.

Начал свою работу на финском языке отдел общественно-политического вещания Радиокомитета. Ежедневно по утрам проводился обзор «Totuus», передавались последние известия. В передачах уделялось внимание вопросам международного положения, рабочего движения, деятельности коммунистических партий в капиталистических странах⁷. Что касается внутреннего положения СССР, то наиболее актуальными считались вопросы о советском строительстве, выборах, советской конституции, социалистическом строительстве в союзных республиках, истории партии и т. д.⁸ С февраля 1940 г. по радио систематически читались лекции по истории ВКП(б).

По указанию Наркомата связи разрабатывался генеральный план радиофикации республики на 7 лет. На 1 апреля 1941 г. в новых районах действовала 3101 радиоточка⁹.

Перед Управлением кинофикации при СНК КФССР в 1940 г. стояли следующие основные задачи:

- а) создание районных отделов;
- б) восстановление поврежденной во время военных действий киноаппаратуры;
- в) освоение новых районов КФССР¹⁰.

Перед киносеансами проводилась культмассовая работа.

Ключевой задачей в работе политпросветучреждений было обеспечить организацию политико-массовой работы среди населения по мобилизации их на выполнение производственных планов, по реализации решений Первого съезда КП(б) КФССР и других решений партии и правительства¹¹.

Задачи сельской интеллигенции четко сформулировал М. И. Калинин: «...желательно, чтобы вы при проведении культурной работы вносили в нее общественно-государственные элементы, политику вносили, а то ваша культура потеряет ориентацию и приобретет характер так называемой „уездной культуры“...»¹²

«Библиотечная техника – это уже политика»¹³, – утверждала Н. К. Крупская. Основными формами массово-политической работы в библиотеках были

читки и беседы, а также книжные выставки¹⁴. Библиотеки организовывали *книгоношество*, доставляя книги на дом и в учреждения.

В связи с сокращением финансирования культурно-просветительских учреждений и мероприятий по ликвидации неграмотности и малограмотности в июне 1940 г. эти вопросы решались силами общественности¹⁵. Участие интеллигенции республики в деле ликвидации неграмотности и малограмотности на общественных началах называлось «*федякинским движением*» (по почину с. Федякино).

На 1 мая 1941 г. на территории новых районов начали работу 6 домов культуры, 71 изба-читальня, 57 библиотек. В начале учебного 1940/41 г. открылось 269 школ¹⁶.

С 1 сентября 1940 г. на финский язык обучения были переведены 204 карельские школы¹⁷. Начальные школы и начальные классы НСП и СШ были полностью обеспечены педагогическими кадрами, владеющими финским языком. В старших классах был введен финский язык как предмет, но обучение шло на русском языке. Больше внимания в школе стали уделять военно-физкультурной подготовке. В 5–8-х классах ребята занимались физкультурой, в 9–10-х классах проходили строевую подготовку, вводилась начальная и допризывная военная подготовка. В школах и училищах плохо обстояло дело с педагогическими кадрами, учебной литературой, успеваемостью¹⁸.

Новыми явлениями в училищах помимо введения финского языка было введение предметов и проведение мероприятий, направленных на выполнение постановлений, требующих привития производственных и сельскохозяйственных навыков, военных умений¹⁹.

С осени 1940 г. началась организация сети ремесленных училищ и школ ФЗО, которые должны были обеспечить растущие промышленные предприятия республики квалифицированными рабочими кадрами. В КФССР первоначально были созданы 5 ремесленных училищ (1200 чел.) и 4 школы фабрично-заводского обучения (1000 чел.)²⁰.

Первый съезд КП(б) КФССР вынес решение о необходимости преобразования Карельского НИИК в республиканский филиал Академии наук и одобрил решение ЦК ВКП(б) об учреждении в г. Петрозаводске государственного университета²¹. «Ваша задача, работников высшей школы, – подготовить кадры всесторонне развитых государственных деятелей ленинско-сталинского типа»²², – говорилось в обращении к руководителям университета Президиума Верховного Совета Карело-Финской ССР, СНК КФССР, ЦК КП(б) КФССР.

В Государственном университете на историко-филологическом факультете была создана финно-угорская группа, для которой преподавание велось на финском языке. Финский язык как учебная дисциплина ввели на всех факультетах²³.

Карельский НИИК был преобразован в Научно-исследовательский институт культуры КФССР. Постановлением СНК КФССР от 23 декабря 1940 г. институту поручалось обратить особое внимание на изучение изобразительного народного творчества в районах республики, «усилить работу со сказителями, оказывая помощь в их дальнейшем творческом росте», способствовать популяризации фольклора среди «широких трудящихся масс»²⁴.

Социалистическое содержание работы Центрального государственного музея (ЦГМ) КФССР, организованного из краеведческого музея НКП, определялось в Положении о ЦГМ от 10 мая 1941 г.²⁵ Для передачи этого содержания использовался местный материал. Были организованы 18 командировок с целью получения экспонатов по войне с белофиннами, по сбору историко-этнографического материала на новых территориях²⁶. Велась подготовка по открытию Выборгского музея.

Итак, на основе изученного материала можно сделать вывод, что социалистическое содержание подразумевает комплекс идейно-политических доктрин, направленных на решение как практических (например, подъем лесной промышленности, борьба за урожай), так и идеологических (например, создание общности карело-финского народа с характеристиками советского гражданства) задач. Суть доктрин транслировалась с использованием присущих местному населению выборочных признаков (язык, фольклор, изобразительное народное творчество, промыслы) и специфики развития народного хозяйства.

Начало Великой Отечественной войны внесло свои коррективы в дальнейший ход культурных процессов в республике. Деятельность многих учреждений была свернута, началась эвакуация. Большая часть территории КФССР оказалась в оккупации. Однако уже в первые месяцы 1942 г. начинается процесс восстановления деятельности ранее ликвидированных организаций и их реэвакуация. Некоторые из юридически ликвидированных коллективов и групп не прекращали своей деятельности (например, Союз советских композиторов КФССР²⁷) или вновь организовывались (кружки, агитбригады, группы на предприятиях, в колхозах и районных центрах²⁸). К 1943 г. назрела необходимость восстановления их юридического статуса и тем самым возобновление контроля и руководства. Но после освобождения всей территории республики наблюдается спад активности культурных коллективов²⁹. Деятельность многих из них подверглась критике³⁰.

Одной из задач культурной политики было сохранение профессиональных кадров и наиболее значимых коллективов. Во время войны вновь начали работать Выборгский театр, Государственная филармония,

Дом народного творчества, Союз художников, Союз композиторов и Союз архитекторов. В 1942 г. началось восстановление деятельности Управления кинофикации, расширение вещания Радиокomiteта.

В 1942 г. ансамбль «Кантеле» был реорганизован в Ансамбль народной песни и пляски. Появились новые обработки народных песен, экспериментировали с формами подачи материала³¹. Деятельность Республиканского Финского драматического театра, находившегося тогда в Архангельской области, была возобновлена в 1942 г.³² В 1943 г. Театр музыкальной комедии был реорганизован в Государственный музыкальный театр КФССР³³, в репертуаре которого преобладали спектакли военной тематики и на исторические сюжеты.

Зимой 1944 г. на неоккупированной территории республики был проведен первый в военных условиях смотр художественной самодеятельности. Во время смотра был восстановлен национальный народный хор петровских колхозниц и поморский хор с. Сумпосад Беломорского района.

К концу 1942 г. в Советской Карелии насчитывалось 129 политехпроветуучреждений. К январю 1944 г. их число возросло до 137³⁴. В январе 1943 г. на неоккупированной части республики работало 97 школ, а через год – 118. В 1943 г. обучалось 14 436 детей (на 4911 чел. больше, чем в 1942 г.). Из них 512 в 11 национальных школах³⁵. Новым направлением работы НКП стало обучение рабочей молодежи без отрыва от производства. Было открыто 6 школ подростков, где учились 362 человека³⁶.

В начале войны деятельность учительского института была прекращена. Численность учащихся сократилась во всех работающих учебных учреждениях республики. В связи с платностью обучения и тяжелыми бытовыми и учебными условиями некоторые студенты пытались покинуть работающий в Сыктывкаре Карело-Финский университет. Ушли 24 студента. Чтобы предотвратить самовольный уход, изымались паспорта³⁷.

В деятельности учебных заведений обязательными стали трудовое воспитание, военная подготовка, помощь фронту. Вводились предметы по истории Великой Отечественной войны. Преподавание всех дисциплин связывалось с военными нуждами.

В сентябре 1941 г. в связи с военными действиями на территории республики большинство ремесленных училищ (РУ) и школ ФЗО было эвакуировано. Но уже в ноябре 1942 г. были организованы 2 РУ и 5 школ ФЗО³⁸. За 1943–1944 гг. их количество изменялось. Готовились рабочие для важнейших отраслей хозяйства республики: лесной, целлюлозно-бумажной, строительной. На многих предприятиях выпускники школ ФЗО и РУ составляли 50–70%³⁹.

В связи с началом Великой Отечественной войны в 1941 г. Научно-исследовательский институт культуры КФССР прекратил свою деятельность и был эвакуирован в г. Сыктывкар, где поддерживал связь с Карело-Финским университетом⁴⁰. В конце 1942 г. его статус был восстановлен. Главной задачей института был сбор материалов по Великой Отечественной войне и борьбе карело-финского народа с немецко-финскими захватчиками. Весь 1943 г. и первое полугодие 1944 г. работала лишь историческая секция. План на 1943 г. включал 25 тем, в то время как в штате института числилось всего 5 человек⁴¹. Выполнение плана предполагалось осуществить с помощью республиканского актива партийных, советских и хозяйственных организаций. К 1944 г. штат института увеличился на 15 человек, однако основная задача институтом так и не была выполнена⁴². Удалось подробно осветить лишь партизанское движение в республике.

В годы Великой Отечественной войны в культурной жизни Карело-Финской ССР сочетались милитаризация и работа на мирную перспективу. Работники культуры республики внесли свой вклад в дело победы советского народа над врагом. Культура Советской Карелии не только была сохранена, но и были созданы предпосылки для ее постепенного возрождения.

¹ Национальный архив Республики Карелия. Ф. 2150. Оп. 1.

² Карельский государственный архив новейшей истории. Ф. 8. Оп. 1. Д. 412. Л. 35–36.

³ НА РК. Ф. 2150. Оп. 1. Д. 2/28. Л. 19.

⁴ Там же. Д. 4/48. Л. 115.

⁵ КГАНИ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 425. Л. 137.

⁶ История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 592.

⁷ КГАНИ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 429. Л. 29–30, 36.

⁸ Там же. Л. 36.

⁹ Там же. Л. 18–19, 21.

¹⁰ Там же. Д. 124. Л. 58–62.

¹¹ НА РК. Ф. 1394. Оп. 3. Д. 58/424. Л. 47.

¹² Ленинское знамя. 1941. 8 января.

¹³ Красная Карелия. 1940. 15 апреля.

¹⁴ НА РК. Ф. 1192. Оп. 2. Д. 22/217. Л. 14.

¹⁵ НА РК. Ф. 1192. Оп. 2. Д. 20/195. Л. 22–29.

¹⁶ КГАНИ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 271. Л. 62–63.

¹⁷ Там же. Д. 400. Л. 7.

¹⁸ Красная Карелия. 1940. 13 июля.

¹⁹ НА РК. Ф. 1192. Оп. 2. Д. 14/141. Л. 2–21.

²⁰ КГАНИ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 60. Л. 13–17.

²¹ Красная Карелия. 1940. 29 июня.

²² Ленинское знамя. 1940. 8 сентября.

²³ КГАНИ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 409. Л. 1.

²⁴ Научный архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 279. Л. 93.

- ²⁵ НА РК. Ф. 1192. Оп. 2. Д. 22/216. Л. 19–20.
²⁶ Там же. Л. 47.
²⁷ Там же. Ф. 1394. Оп. 3. Д. 78/589. Л. 4.
²⁸ Там же. Л. 9.
²⁹ Там же. Ф. 2150. Оп. 1. Д. 13/152. Л. 10.
³⁰ Там же. Л. 10–20; Ф. 1394. Оп. 3. Д. 122/925. Л. 79–84.
³¹ Там же. Ф. 2150. Оп. 1. Д. 13/152. Л. 4.
³² Там же. Ф. 1394. Оп. 3. Д. 77/581. Л. 29.
³³ Там же. Д. 78/589. Л. 123
³⁴ Там же. Ф. 1192. Оп. 2. Д. 15/154. Л. 15.
³⁵ Там же. Л. 1.
³⁶ Там же. Л. 7.
³⁷ КГАНИ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 629. Л. 16.
³⁸ НА РК. Ф. 1910. Оп. 1. Д. 10/63. Л. 177.
³⁹ Там же. Л. 178а.
⁴⁰ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 36.
⁴¹ Там же. Оп. 3. Д. 324. Л. 1.
⁴² Там же. Д. 353. Л. 1.

© Е. Ю. Протасова
 Хельсинки (Финляндия)

«Рюссия»: кто это?

В финском и соответственно в русском языке русскоязычных иммигрантов в Финляндии¹ слово «рюссия» используется как презрительное прозвище русских; как известно, слово «чухна» является соответствующим нелестным этнонимом для финно-угорских народов. Для ингерманландских финнов, репатриировавшихся в Финляндию, типично ощущение, при котором они не были своими ни в России, где их считали финнами, ни в Финляндии, где их считают русскими². Мы исследуем применение сильно окрашенного в финском языке слова в русскоязычных источниках. Таким образом, оно выступает в качестве самоназвания. Почти всякий раз, когда термин вводится, объясняется, что это значит, за исключением тех случаев, когда он применяется на территории Финляндии. Налицо процессы, неоднократно описанные в исследованиях этнонимов: некоторая группа населения перенимает для самообозначения то слово, которым его называет другой народ (особенно если тот народ выступает в качестве большинства, а данная группа представляет меньшинство). При этом оказывается не важным, что этноним в устах коренных жителей носил пейоративный оттенок.

1. Использование термина «рюссия» в официальных источниках. Национальная идея для Финляндии строилась, в частности, на сопро-

тивлении «восточному влиянию», и до сих пор более 60% финнов не любят русских. Явление нелюбви к соседям широко распространено в Европе. В оскорбительно-пренебрежительные клички этнонимы переходят в результате исторических изменений, когда некоторые слова перестают использоваться³. Так, пришедшее из шведского языка в финский слово «рюссия» первоначально не означало ничего негативного. *«Однако с течением времени слово „рюссия“ в финском языке приобрело то же негативное значение, что и „кацап“ в украинском, „тибла“ в эстонском или „москаль“ в польском. В финском языке появился официальный термин „русский“ – „венеляйнен“ и пренебрежительно-негативный термин „рюссия“. В тридцатые годы употреблять это слово было еще нормально. Солидные ученые писали академические труды на тему того, что отличительной чертой любого финна является неперемнная ненависть ко всему восточному – „рюссиявиха“.* „Рюссия“ угнетали братский финнам карельский народ, избрели богопротивный коммунизм... в тридцатые годы „рюссиявиха“ действительно можно было считать феноменом жизни финского общества...»⁴ В другом источнике: *«Многие горячие головы проводят прямые аналогии: Чечня оккупирована злыми „рюссия“ так же, как бывшие финские территории. В 1939 г. самым страшным и обидным ругательством в довоенной Финляндии было слово „рюссия“ – „русский“. Если горячий финский парень обзывал за кружкой пива своего собутыльника этим словом, то обиженный немедленно хватался за свой финский нож – „пукко“».*

Наиболее естественные случаи, исторически уместные и не требующие оправданий и пояснений, связаны с ситуациями, имевшими место в ходе Второй мировой войны. Здесь презрительные прозвища оказываются естественными, поскольку тогда сражались друг с другом враги и словцо было в ходу. В подобных отрывках «рюссия» звучит как цитата, отдающая даже ностальгией. Известно, что у бывших врагов – ветеранов войны – много общего. Из своей исторической перспективы они склонны видеть одни и те же обгоревшие деревья и блиндажи, пейзаж, на фоне которого свершалось великое противостояние, и эти одинаковые воспоминания делают бывших смертельных недругов близкими друг другу: *«Ну, ты, „рюссия“, даешь! Молодец! Давай еще по одной – за мир и всеобщее разминирование!»* Ветераны даже предлагают использовать себя в качестве экспертов по амуниции того времени, например, когда западные режиссеры снимают свои картины, а иначе, *«горячие финские парни, прорываясь через советские позиции, расстреливают „рюссия“ почем зря, а сами будто бронированные!»*

В описаниях военных действий и по отношению к военнопленным это слово звучит как термин, причем даже склоняется: *заработок заключенных концлагеря рюссей; освобожденная от «рюссят» единая земля финнов – Суур Суоми; потребовал от «рюссят» возврата «утраченных территорий» и выплаты компенсации; рюсся был и остается вековечным врагом родственных финнам народов; отпечатанные рюссями листовки; вымести рюсся (презрительная кличка русских, как «москаль») из Карелии, а потом из Ингрии*⁵. Аналогичное употребление возможно и тогда, когда реконструируется бой между финнами и РККА: из леса по-фински кричат «рюсся, рюсся». К. Г. Маннергейм «удивительным образом победил недоверие и враждебность своих солдат: шведоязычный генерал ненавистной царской армии, „рюсся“ (Ryssä – по-фински презрительная кличка русских), почти не говорящий по-фински (да еще с русским денщиком и неизменным портретом Николая II на столе), очень быстро завоевал авторитет и даже любовь подчиненных»⁶. Старые и новые коннотации слово обретает сегодня: *оскорбительное слово «рюсся» в ходу сегодня именно среди финских женщин?* О том, что такое отношение к русским сохранилось у старшего поколения до периода финляндизации, свидетельствует следующий отрывок: *«мама предостерегала ее „не впутываться в это дело, а то рюсся заберет“ („Рюсся“ – презрительное название русских у финнов, примерно как „москаль“ у украинцев или „чухонец“ по отношению к финну в России. Говоря про 'рюссю', мать ... имела в виду, что ее дочь может оказаться втянутой в советскую пропагандистскую систему, а то вообще попасть в милицию или в лагерь)». На бытовом уровне отношения подобного типа встречаются в смешанных браках: *Подвыпив у себя дома с друзьями, супруг вовсю клял этих «рюсся» (финский вариант нашенской «чухны»)*. Для русскоязычных, живущих в Финляндии, очень важно переломить отрицательное отношение к себе. Хотя постоянно в СМИ возникают какие-то дразги и скандалы, связанные с русской мафией, все громче звучит и голос протеста против огульного обвинения всех русских в нечестности. Русскоязычная пресса выбирает положительные моменты: «И если сегодня материал о Лехтере в Илта-саномат „нежно“ назван: „Семейное счастье в аду рюсся“, то через пару лет изменится и этот тон. Во всяком случае, „рюсся“ пропадет точно».*

2. Использование термина в Интернет-форумах.

На сайте www.suomi.ru, 5.1.2004 проходила дискуссия:

– Terve! Первое – информации об Ингерманландии у меня достаточно, мне интересно живое общение с «нашими», уехавшими «туда». Второе – я не желаю общаться с рюсся... Terveisin.

– Гхм. Я сейчас разозлюсь, и очень сильно. Во-первых, ингерманландец и gyssä, как правило, для финнов не представляют разницы. Во-вторых, gyssä является, на мой взгляд, оскорблением для любого, кто говорит на русском как на родном языке. Может быть, терпимость и дружелюбие предков научит тебя чему-нибудь... Хотя вообще не понятно кто такие эти «ваши»...? Лично я – финн. Но таковым я был в СССР и Эстонии, в частности. А здесь, для местных, я gyssä Virosta.

– Я тоже хочу разозлиться, хотя мне то чего злиться. Обидно такое слово услышать из Pietari.

– Смешно слышать «Я не желаю общаться с рюсся» от человека, живущего в России... Позвольте узнать, уважаемый Рейо, Вы, собственно, как в Питере живете?? Не общаясь?? Ой, это, наверное, мы все Вам до такой степени надоели, что говорим по-русски и являемся русскими? А еще что-то говорят про шовинизм, расизм и прочие реалии современной жизни. До чего народ докатился. С кем бы мне не общаться, подскажите, а?

– Сорри, кого-то обидел... все мы немного рюсся, но я считаю, что знание родного языка и культуры и любовь к ним определяют национальность. А при переезде особенно... Уважение к языку и культуре коренной нации показатель элементарной культуры... а если мы так любим Россию и русских, не фиг ехать. А насчёт меня, мне просто стыдно за выходцев из России и неприятно признаваться, кто я... А неприязнь у финнов мы заслужили.

– Не все русские рюсся и не все рюсся русские, на русском языке есть хороший аналог – совок... Среди русских много культурных и уважающих другую культуру людей ...

– Ингерманландцы, чем же вы заслужили неприязнь финнов? Тебе уже посоветовали, что тебе сделать, чтобы стать «рюсся». Всего лишь приехать сюда, в Финляндию.

– Да у нас тут, ... да мы ... да тут такое, такое ваще! Молодец Рэйио, так держать, завидуй и злись на Ингерманландских рюсся акупировавших твою историческую родину!

– Зависть к «нашим», уехавшими «туда» и, мягко говоря, неприязнь к gyssä. Этой фразой он все о себе сказал.

– Переехав сюда, ваши рассуждения кардинально бы изменились... во-первых, вы сразу бы стали тем самым пресловутым «рюсся», а во-вторых, посмотрели бы на эту хваленую вами «культуру» изнутри (не сомневаюсь, увидели бы много нового и неожиданного для себя). Я не обеляю «рюсся», да мне тоже зачастую бывает стыдно за своих соотечественников.

– Вообще-то я ко всем ровно отношусь, но будучи русским, приехавшим сюда, выучившим финский язык и говорящим иногда почти без акцента, воспринимаю со смехом, когда мне на шамкающем ингерманландском наречии говорят рущия.

– Хехе, Reijo. Добро пожаловать в maamme Suomi. Здесь найдутся приверженцы ваших взглядов, выдадут куртку пилот, армейские ботинки, спортивные штаны, даже побреют бесплатно. От вас нужно будет только иногда выходить на улицу, и, напившись, кричать: Ryssat pois meidan maasta!!! vapautukaa inkerimaamme!!! Palautukaa Karjalamme takaisin. Ах да, что бы не травмировать вашу тонкую психику, вам придется избавиться от русско-ингермаландского акцента, иначе не все ваши новые друзья будут понимать, что вы вовсе даже не ryssä, а самый настоящий Inkeri. Хотя я думаю, вам понадобится много времени, объяснить, чем же ингермаландец отличается от русского.

– ja uzhe govoril – ryssä ne natsionalnost, a psihologija, jest mnogo russkih, kotoryh ja gluboko uvazhaju.

– И еще вопрос: когда ты заходил в самом начале на suomi.ru – РУ (понимаешь, не suomi.fi, не suomi.net, не suomi.com, а RU), то не задумался ли ты на минутку, что форум-то этот эти самые «ryssä» и организовали, а?

– Но то, что ты тут разводил по поводу «рысь», то надо было бы сразу говорить о совках, коих везде, конечно же, много, и из-за которых к русским относятся плохо, а не оскорблять всех участников этого форума.

– Кстати, могу тебя огорчить, ты не инкери, ты рюссия. Это не Homo soveticus, это название для выходцев из экс-СССР и слово это употребляют только придурки вроде тебя.

– Эх, рюссия, рюссия... Тяга к болтовне и валянию в грязи в нашем народе похоже неистрибима...

– Не рюссия, а веньяляйнен, а то ведь и физиономию начистить можно.

– Нет именно – рюссия.

Данный отрывок демонстрирует актуальность дискуссии о применимости этнонимов. О частоте и популярности употребления данного слова в Финляндии и о необходимости обсуждать его содержание в своей среде говорят и другие ссылки: *Кто обзовет кого «рюссия» – полиция тут как тут: штраф выписывает. Мне вот в передаче⁷ было интересно, что когда еще белогвардейские эмигранты убежали жить в Фи., то они тоже терпели рюссия виха. После увиденного, мне кажется здесь рюссиявиха была всегда и никуда не исчезнет (www.spektr.net). Или: Теперь финны в нашей фирме стали с подозрением относиться ко всем русским, иногда даже в их разговоре можно услышать брезгливые нотки: «Аа...рюссия –*

одно ворье!» (www.datsha.com). И в совсем грубой форме: *Рюсся – не значит «русский (веняляйнен)», особенно сейчас. Это скорее «совок», типа тех белых свиней на ножках, которые ... все вокруг своего дома и гордятся этим. Признак совка – бескультурие и бессмысленная агрессия* (www.trizna.ru). Итак, наиболее важный момент здесь то, что переживание собственной несостоятельности связано с нахождением в среде людей, которые связывают с употреблением определенного этнонима коннотации, которые кажутся неверными тому, кто мог бы отнести к себе употребленный термин. Значит, русским, не сталкивавшимся с финнами, это слово, вообще говоря, не знакомо.

3. Нейтральные коннотации. Название России на некоторых языках связано с подобным произношением: Рюсу – по-японски, Рюсси – по-французски, Рюси – на каком-нибудь из тюркских языков (встретилось в разных печатных источниках). Гораздо более сильным и своеобразно окрашенным является выражение «а ля рюсс» (в разных написаниях), означающая приносившаяся к западному восприятию образ русской культуры, ширпотребно-аляповатый экспортный вариант русскости. В первой половине XIX в. стиль рюсс был созданием иностранцев, посещавших Россию и писавших о ней. Романтизм искал в нем народный дух. В конце XIX – начале XX в. он был искусственно и искусно осмыслен, просчитан в духе национального возрождения, ар нуво, югендстиля, для всемирных выставок в Париже и удачно привит на русскую почву, после революции массово вывезен и распространен русской эмиграцией. Он смешной, трогательный, наивный, приносящий доход, вызывающий к лучшему, к особой эстетике, к России, которая была потеряна, не существовав на самом деле. Он призывает к гармонии, редко ее достигая. Мечтая о включении России в общее культурное пространство с Европой и миром, скатывается до попыток быть интересным любой ценой, до унижения собственного достоинства. Внутрироссийская точка зрения может не иметь никакого отношения к точке зрения иностранца, точке зрения «со стороны», может быть вообще никак не связанной с искусством или «художеством»: Во Франции говорят: *«Он работает а-ля рюсс», то есть ни шатко ни валко*. Отрыв от российской действительности почти автоматически приводит к тому, что русское становится не подлинным. Это касается и существования русскоязычных общин за границей: *А сколько страсти проявили участники шуточных эстафет и игр, проведенных под знаком «а ля рюсс»*. Эмигрантам отказывают в праве на русскость: *точно с Брайтон-бич: козоворотки, декольтированные мини-сарафаны – а-ля рюс*. Проявления русского стиля за границей окажутся невсамделишными: *солеными грибами и капустой, картошечкой и блинами с икрой – русский дух поддер-*

живается так, а иной раз и помпезным стилем а-ля рюс, доходящим до абсурда. Из-за недобросовестности тех, кто эксплуатирует тему, русский стиль постепенно превращается просто в халтуру. Здесь видна и самоирония, и натуральная любовь к лихим развлечениям, сочетающаяся с непониманием того, как это кому-то может не нравиться, и заранее прочувствованной досадой на то, что такие неизбежно найдутся.

Как ни странно, значительная часть семантики обоих слов – «рюссия» и «рюс» – оказывается очень сходной. Разница между ними в том, кто и когда употребляет эти слова и кто на них обижается. В обоих случаях есть подделка, связь с границей, разочарование в неприязненном отношении к тем лучшим качествам, которые оказываются не востребованными, чужими, необходимость вернуться в объятия своих и найти общий язык с теми, кто разделяет твои убеждения, устои и культуру поведения.

¹ См. Протасова Е. Феннороссы: жизнь и употребление языка. СПб, 2004.

² Агава Ф., Куокканен В. «В России мы были чухонцами, а здесь нас презрительно называют рюссия» // Северный курьер. 25 ноября 2004.

³ Этнонимы. М., 1970.

⁴ Разумихин А. Отношения между Россией и Финляндией – пришла пора переоценки? // БИЦ: Аналитика – страны региона Балтийского моря. 29.10.2004 эксперт BRC-info.

⁵ Коко Н. Восточная граница: как она формировалась. // БИЦ: Аналитика – страны региона Балтийского моря. 12.03.2004.

⁶ Иоффе Э. Линии Маннергейма // Звезда. 1999. № 10.

⁷ В Финляндии на эту тему вышли книга, документальный фильм, состоялись несколько ток-шоу.